

Ханна Коуэн

Кристальный удар

18+

Сердце — не место для льда и холода

LOVE & HOCKEY

Ханна Коуэн

Счастливый удар

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Коуэн Х.

Счастливый удар / Х. Коуэн — «Издательство АСТ»,
2021 — (LOVE & HOCKEY)

ISBN 978-5-17-157667-7

ОУКЛИ У меня есть одна цель: чтобы меня взяли в НХЛ. Тогда мой отец гордился бы мной. Меня никогда не интересовали свидания, особенно сейчас, когда все свободное время я провожу на катке, совершенствуя свое мастерство. Но она появилась из ниоткуда. Октавия Лейтон, девушка с красивой улыбкой и разбитым сердцем. Одна ночь, проведенная в разговорах под звездами, и теперь она не выходит из моей головы. АВА Я ненавижу хоккеистов после неприятного расставания. Или я так думала. Но когда мы встретились, я не знала, кто он, пока несколько месяцев спустя он не появился в моем городе в качестве нового члена нашей местной хоккейной команды.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-157667-7

© Коуэн Х., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	46
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ханна Коуэн

Счастливы́й удар

Hannah Cowan

Lucky Hit

© Lucky Hit Copyright © 2021 by Hannah Cowan

© М. Максимова, перевод на русский язык

© Екатерина Косьянова, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Оукли

Мне надо в душ. Срочно. Пока я не вырубился от переутомления и обезвоживания и меня не пришлось тащить в раздевалку.

Но сейчас это не главное мое желание.

Вместо того чтобы избавиться от вони, поднимающейся из-под моей экипировки, как следовало бы, я задерживаюсь, чтобы сделать еще один круг по льду. Круг почета, если угодно.

Для большинства моих товарищей по команде сегодня просто окончание очередного победного сезона. Для меня – последний раз на этой площадке не только в качестве игрока, но и в качестве капитана местной команды «Пентиктон Сторм». Мне можно немного поностальгировать. Последние три года эта арена была моим вторым домом.

Привычный холод льда покусывает кожу под свитером, пока я, как побитый щенок, осматриваю пустой каток. Эта старая, допотопная арена помогла мне вернуть страсть к хоккею, когда меньше всего хотелось надевать коньки.

Здесь я каждую игру смотрел, как мама и сестра кричат во все горло, по-дурацки жестикулируя руками.

И здесь я понял, что могу быть лидером – реальной силой, с которой стоит считаться.

Прерывисто дыша, я медленно качусь вдоль бортов, оставляя за собой пушистые снежные борозды. Здесь спокойно. Непривычно тихо по сравнению с орущими толпами во время игры или колоритными речами тренера после проигрыша.

К тому времени как я выползаю со льда в коридор, ведущий в раздевалку, в груди тесно от нервов и чувства потери, с которым я, к сожалению, уже знаком.

Дверь раздевалки резко открывается, и я чуть не врезаюсь лбом в своего лучшего друга.

Ходячая кирпичная стена, также известная как Андре Спеца, расплывается в улыбке и хлопает меня по плечу.

– Я уже начал думать, что придется вытаскивать тебя со льда.

– Еще немного, и пришлось бы.

Андре поудобнее перехватывает свою хоккейную сумку, но потом просто отбрасывает ее в сторону и идет следом за мной к моему шкафчику. Я выгибаю бровь, но ничего не говорю и, рухнув на лавку, принимаюсь расшнуровывать коньки.

– Что? Я тебя подожду. Надо урвать как можно больше твоего суперзвездного общества.

– Ты так говоришь, будто мы больше никогда не увидимся. Мы не перестанем общаться.

Несмотря на попытки шутить, в его золотисто-карих глазах отчетливо читается боль. Больно не только ему.

– Вы справитесь. Со мной или без меня.

Он натужно смеется:

– Тебе идет скромность.

– Впитывай, большой парень. Может, научишься чему-то.

На этот раз он смеется по-настоящему.

– Не-а. Скромность – не мое.

– Тогда придется себя заставить, если хочешь занять мое место в следующем сезоне.

Он округляет глаза:

– Ни за что.

– Я почти убедил тренера. – Я пожимаю плечами. – Команде будет нужен новый капитан, а ты единственный, кому я доверяю.

Если он сумеет удержать член в штанах достаточно долго, чтобы по-настоящему сосредоточиться на чем-то кроме секса.

Андре скованно садится рядом.

– Я просил тебя этого не делать. Единственное, что у меня хорошо выходит, это махать кулаками и орать на защиту, чтобы сосредоточились. Я не могу вести целую команду.

– Просто подумай об этом. И все.

– Ага, ладно. Я подумую. Но без обещаний.

– Без обещаний, – киваю я.

В тяжелом молчании я заканчиваю расшнуровывать коньки и, достав из шкафчика сумку, складываю их туда. Снимаю свитер и прочую экипировку, убираю все в сумку и надеваю футболку и спортивные штаны.

Когда я закидываю сумку на плечо, Андре, сведя брови, печатает на телефоне.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Он вскидывает голову.

– Ага. Всего лишь последние приготовления к вечеринке. Вечер пятницы, помнишь? Если ты кинешь меня на собственной прощальной вечеринке, я тебя никогда не прощу.

Я душу стон.

– Я приду.

Даже если вечеринка – это последнее, чего мне хочется в свой последний вечер в городе.

– Мне бы и в голову не пришло пропустить вечеринку. Ты же знаешь, как я люблю их.

– Твой сарказм неуместен, – ворчит он.

Я смеюсь.

– Просто попытайся свести приглашения к минимуму. Я не в настроении веселиться.

Видя его хитрый взгляд, я едва сдерживаю недовольную гримасу. Если бы я не знал, что Андре просто хочет, чтобы я хорошо провел время перед отъездом, то попросил бы его все отменить. Но если все будут счастливы выпить за меня, я возьму себя в руки и притащу свою задницу на домашнюю вечеринку на пару часов.

Он встает и потирает руки.

– Ли, нет ничего, что не исправил бы сет железных шотов. Но даю слово, что ограничу приглашения. А теперь разреши проводить тебя отсюда в последний раз. Не хотелось бы, чтобы ты заблудился.

– Это вряд ли. Ты просто не хочешь прощаться, – дразню я, вставая и толкая его плечо своим.

– Чертовски верно.

Он качает головой и, забрав свою сумку из угла, выходит следом за мной.

Прожекторы на катке уже погасили, и по коридорам разносится эхо наших шагов. Мы молча проходим мимо склада с инвентарем и стены с фотографиями команды, начиная с первой команды «Сторм» и заканчивая нашей в этом сезоне. На подходе к тренерской я сбиваюсь с шага, и Андре хлопает меня по спине.

– Хочешь поговорить с тренером?

Я громко выдыхаю и сомневаюсь, заходить ли. Решение должно быть легким. Мне следует войти и попрощаться. Но все не так просто. Я должен этому человеку гораздо больше, чем просто «до свидания».

– О чем это вы там болтаете? Спеца, лучше тебе не говорить, что ты тоже уходишь!

Мы с Андре резко поворачиваемся друг к другу, вытаращив глаза, а по коридору разносится грубый смех тренера. Я сглатываю и выпрямляю спину.

– Иди домой, Дре. Мне надо это сделать. В пятницу вечером. Я приду.

Он кивает, и мы крепко обнимаемся. Через минуту я хлопаю его по спине, и мы отпускаем друг друга.

– Напиши мне потом. Увидимся в пятницу.

С этими словами он уходит, оставляя меня одного.

Мне требуется четыре шага, чтобы дойти до кабинета тренера. Баннер Ярас сидит за массивным столом из красного дерева, в одной руке у него – независимо от времени суток – большая кружка кофе, а другой он чешет разросшуюся бороду с проседью. Заметив меня в дверях, он широко улыбается.

– Привет, тренер.

Он показывает мне на серый диванчик у стены напротив и расслабленно откидывается на спинку кресла.

– Я уже начал беспокоиться, что ты улизнешь, не попрощавшись.

Я падаю на диван, переплетаю пальцы за головой и вытягиваю ноги.

– Я думал об этом. Просто сказать «до свидания» кажется не совсем подходящим. После всего, что вы сделали для меня и моей семьи.

– Ты все сделал сам, парень. Я только зажег под твоей задницей костер, который вытащил тебя из болота.

– Это было больше, чем болото, и вы это знаете. Но спасибо. Вы не представляете, как много это значит для нас. Особенно для мамы. Я в долгу перед вами.

Он отмахивается.

– Ты можешь отблагодарить меня, надирая задницы в Ванкувере. Им не помешает помощь.

– Только не вы. Пожалуйста, не начинайте «зачем ты так поступаешь». Мама уже достаточно задвинула мне на эту тему.

Никому не нравится мое решение присоединиться к «Ванкувер Сэйнтс» вместо «Онтарио Ребелс», как ожидалось. Они не понимают, с чего мне отказываться от предложения играть за более успешную команду Западной хоккейной лиги, да и не надо. Онтарио слишком далеко от моих мамы и сестры, вот и все. Тут нечего обсуждать.

Ванкувер станет моим домом до момента драфта в НХЛ. Было бы проще, если бы все просто приняли мое решение, а не уговаривали передумать.

– Твоя мама хочет, чтобы ты получил наилучший из возможных шансов. Она считает, что это не «Сэйнтс».

Я прищуриваюсь:

– Она или вы?

Тренер прямо встречает мой взгляд. Он больше всех напоминает мне отца, и я знаю, что тренер хочет лучшего для меня, но от этого его откровения ранят еще сильнее.

Он напряженно выдыхает.

– Тебе недавно исполнилось девятнадцать. Этот год решающий. Ты хотел подождать с драфтом, пока не будешь уверен, что твоя мама справится, и я всегда поддерживал твое решение. Но это в прошлом. Команды в курсе, что в настоящий момент ты открыт для драфта, и я боюсь, что с этой командой ты упустишь свой шанс в НХЛ из-за того, что не хочешь оставлять семью.

Внутренности скручивает узлом.

– Вы не сказали мне ничего нового. Но я не передумаю. Мне нужна ваша поддержка, Баннер. – Я зарываюсь пальцами в волосы. – Пожалуйста.

Он сжимает губы, разрываемый противоречиями. Этот мужчина орал на меня на тренировках из-за неправильного положения ног, и он же приносил к нам домой еду, уложенную его женой в контейнеры из фольги, в те дни, когда маме приходилось работать допоздна. Конечно,

свою роль играло то, что его жена дружит с моей мамой, но они не обязаны были делать и половины того, что сделали для моей семьи за эти годы.

Разочаровать Баннера почти так же неприятно, как разочаровать маму.

Через несколько долгих секунд он уступает.

– Я всегда буду поддерживать тебя, Оукли. Всегда.

Гора сваливается с моих плеч. И внезапно я снова могу дышать.

* * *

Солнце почти садится, когда я паркую папин обшарпанный белый «Форд» перед нашим маленьким двухэтажным домом.

Дом моего детства ни разу не шикарный, но это дом. По центру располагаются маленькое крыльцо с потертыми деревянными ступеньками и ярко-красная дверь, которую мама с папой покрасили вскоре после покупки. Она уже потрескалась и облупилась, но мама отказывается ее перекрашивать.

Справа эркерное окно гостиной, а под ним деревянный ящик с желтыми маргаритками.

Откинув голову, я смотрю на потоки воды, падающие с серого, обложенного тучами неба, и рычу. Дождь льет с тех пор, как я вышел с катка, что не так уж и удивительно. Апрель в Британской Колумбии один сплошной дождь.

Я хватаю с пассажирского сиденья свою хоккейную сумку, забрасываю ее на плечо и бегу в дом.

– Ма, я дома!

Сбрасываю обувь и поднимаюсь наверх, чтобы отнести сумку в свою комнату до того, как мама почувствует запах.

Избавившись от сумки, я захлопываю дверь и плюхаюсь на кровать, попадая прямо в продавленную моим телом выемку в матрасе. С моим ростом почти невозможно поместиться на кровати с ногами, поэтому они комично свисают с края.

На стук в дверь я поднимаю глаза. Мама опирается на дверной косяк, сложив руки на груди и подняв уголки губ.

– Привет, милый. Как прошел твой день?

Мама выглядит крайне молодо для **своего** возраста. Может быть, из-за того, что ее короткие светлые волосы всегда уложены, или из-за того, что за прошедшие годы ее прозрачно-голубые глаза не утратили своего блеска.

Я больше похож на папу. Русые волосы, закрывающие шею, хвойно-зеленые глаза и длинные ноги.

– Хорошо. Тяжело прощаться, но я справлюсь.

– Я бы беспокоилась, если бы ты не грустил хоть чуть-чуть, милый. Прощаться всегда нелегко. – В ее глазах блестят слезы, но она смаргивает их. – Но надо разрешить себе и радоваться. Ты так близко к своей мечте.

Она садится на край кровати и улыбается мне своей знаменитой улыбкой, ее голубые глаза светятся.

– Я так горжусь тобой. Знаю, что отец тоже гордился бы.

Мама умеет поднимать людям настроение своей улыбкой. Папа всегда называл это ее суперсилой. До аварии я не понимал, как улыбка может быть чьей-то суперсилой.

Ее улыбка была одной из немногих вещей, которые помогли мне продержаться. Так что, на мой взгляд, улыбка делает из мамы супергероя.

Я сажусь, чтобы видеть ее как следует.

– Я рад. А ты? Ты будешь в порядке? Я постараюсь приезжать домой как можно чаще.

В моих словах отчетливо слышится обещание, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы сдержать его. Новый график будет сумасшедшим, но для семьи я готов на все. Даже проводить за рулем по четыре часа в каждую сторону, просто чтобы увидеть эту улыбку на мамином лице.

Она цокает языком и качает головой:

– Тебе надо прекращать переживать за нас с сестрой. Ты посидеешь еще до того, как тебе исполнится двадцать. У нас все будет хорошо. Обещаю.

Я хмурюсь.

– В мое отсутствие Грейси тебя достанет. Ты видела развалюху, которая в последнее время возит ее в школу и домой? Выглядит так, словно может загореться, если одновременно включить кондиционер и радио.

Мама лишь смеется.

– Все не так плохо.

– Не так плохо? Мам, там выхлопная труба черная.

Она прикрывает губы ладонью, и в уголках глаз появляются морщинки.

– Да, полагаю, это может стать проблемой. Может, тебе стоит поговорить с ней об этом?

Я фыркаю.

– Конечно. Она не станет меня слушать. Это пацанская тачка. Ты видела тонировку на передних стеклах? Она просто кричит о проблемных подростках. Она встречается с тем парнем? Ты же этого не допустишь, правда? Ни за что на свете моя маленькая сестренка не будет встречаться с парнем, который не в состоянии позаботиться даже о собственной машине. На самом деле она вообще ни с кем не будет встречаться. Точка.

– Оукли, расслабься, милый. А то тебя удар хватит. Твоя сестра – подросток, которая всю жизнь жила под твоим крылышком. Дай ей вздохнуть, пока тебя нет. Обещаю, с ней все будет в порядке. Я, может, и небольшая, но, когда дело касается моих детей, меня не одолеть.

Мой гнев отчасти растворяется, и я киваю.

– Я попробую. Но ничего не обещаю. Мне хотелось бы получать ежедневные отчеты насчет этого парня и его... машины. Думаю, ей небезопасно ездить в этой штуке.

Мама грустно улыбается и, положив руку на мое предплечье, сжимает его.

– Хорошо. Я разберусь. Ты прав, ей не следует ездить в опасной машине.

Я накрываю ее ладонь своей, и мне не нравится, какая она холодная.

– Я люблю тебя, мам. Ты же знаешь, да?

– Знаю. В холодильнике остались бургеры, если ты голодный. А теперь отдыхай. Спокойной ночи, люблю тебя.

Она в последний раз сжимает мою руку, после чего встает и идет к двери.

– Спокойной ночи, мам, – бормочу я вслед.

Глава 2

Оукли

Я не пью алкоголь. Никогда. Но это не мешает пьяным идиотам пихать мне в лицо стаканчики с фиг знает чем или пытаться оттащить меня к установленному в центре кухни бочонку и исполнить на нем стойку на руках.

Мне потребовалось слишком много времени, чтобы отделаться от навязчивых собутыльников, отыскать тихий уголок и нахохлиться в нем. И теперь мне требуется вся сила воли, чтобы не свалиться домой.

Душа компании, верно?

Андре несколько минут назад убежал на второй этаж следом за какой-то девушкой, бросив меня на моей же прощальной вечеринке.

На самом деле это ерунда. По крайней мере, так я говорю себе. Просто Андре такой. Я не планировал оставаться надолго, так что это не так уж важно.

Я допиваю воду, выбрасываю красный стаканчик в мусорку и иду напрямик к задней двери. Если мне торчать здесь еще как минимум час, то не в этой душегубке.

Вечерний воздух тяжелый и влажный, но я ему рад. Что угодно лучше, чем пассивное курение и алкоголь в доме. Со стороны бассейна доносятся голоса, поэтому я иду в противоположную сторону и устраиваюсь на походном стуле, который нашел под двумя деревьями. Не самое уединенное место, но могло быть гораздо хуже.

Несмотря на музыку в доме, меня окружает тяжелая тишина. В мыслях беспорядок. Думаю, я еще не до конца осознал, что сегодня в последний раз вижу большинство парней. Чертовски грустно думать об игре в хоккей без них.

Когда я впервые пришел в команду, я вел себя так, словно в одиночку повесил луну на небо. И да, у меня хватало таланта, но мои замашки стоили нам слишком многих игр.

Может, дело было в потребности проявить себя после спада и вялости в прошлой команде или просто мне хотелось быть лучшим. Как бы там ни было, именно тренер Ярас вернул меня на землю.

Я на собственной шкуре узнал, что быть лучшим на льду ничего не значит, если тебя не уважает команда. Иначе они не последуют за тобой. Это понимание и было причиной, почему во второй половине своего первого сезона я впахивал, добиваясь именно его. Потом, во время второго сезона, я заслужил привилегию носить заветную «К» на своем свитере.

Я счастлив признать, что все усилия того стоили, учитывая, что этот сезон я закончил лучшим бомбардиром юношеской лиги.

Кто-то плюхается на землю рядом со мной, тихо ворча. Меня удивляет запах травы, но я замечаю между пальцев Андре тлеющий косяк.

– Скажи мне, что ты не прячешься на собственной вечеринке.

Встречая разочарованный взгляд Андре, я пожимаю плечом:

– Тебе не перепало веселья наверху? Что-то ты быстро вернулся.

– Смена темы. Учтем. – Он отпивает из своего стаканчика и ставит его на землю рядом с собой. – Во сколько ты завтра уезжаешь?

– Рано.

Слишком рано.

Андре хмыкает.

– Жесть. Тогда, наверное, скоро уйдешь?

Я киваю, и между нами повисает тяжелое молчание. Понимание грядущего причиняет боль. Мы с Андре с малых лет были друзьями и товарищами по команде. Я чувствую себя виноватым, что разрушаю это.

– Кончай заморачиваться, Оукли. Ты рожден играть в профессиональной лиге. Используй свой шанс, не задумываясь. Мы выживем.

– Просто кажется неправильным играть в команде без тебя.

Андре фыркает и, затянувшись косяком, выпускает клубы дыма.

– Ты знаешь, что хоккей не является моей целью. Но всегда был твоей. Эта новая команда приведет тебя к ней. Не ной, а?

Я откидываю голову и смеюсь.

– Вот оно. А я гадал, сколько времени тебе потребуется, чтобы растерять всю любезность?

Он озорно улыбается:

– Просто не забывай о нас, когда станешь зарабатывать миллионы.

– Как будто я смогу.

Или захочу.

В доме раздается грохот, и Андре вскакивает на ноги. Из открытых окон и двери доносятся громкие голоса.

Я машу на дом.

– Иди. Мне тут хорошо. Убедись, что никто не умер.

Он виновато улыбается:

– Я вернусь. Клянусь, если что-нибудь сломали, я надеру кому-то задницы.

– Удачи.

Андре разворачивается и направляется в дом, а я откидываюсь на спинку и смотрю в небо. Вечер облачный, но я все равно выискиваю звезды. Созвездия не моя тема – черт, я даже не помню свой знак зодиака или как их там называют, но есть что-то успокаивающее в ясном, усыпанном белыми точками небе.

– Рыбы? Близнецы?

Боже, Грейси отчитала бы меня за то, что не помню.

Мое внимание привлекает шорох травы и раздавшийся следом мягкий голос:

– У Рыб день рождения в конце февраля или марте. У Близнецов в конце мая и июне.

Я дважды моргаю.

В мою сторону идет высокая брюнетка, нервно обхватив себя руками. Чем ближе она подходит, тем проще разглядеть ее в темноте.

Пронзительные зеленые глаза не отрываются от меня, но вокруг них слишком отчетливая краснота, чтобы игнорировать. Ее узкие щеки покраснелись, и я знаю, что не из-за погоды. На улице достаточно тепло.

Я прочищаю горло.

– Значит, Рыбы. А у тебя?

Она останавливается рядом со мной и проводит носком своей белой кроссовки по траве. Мне приходится сглотнуть, чтобы увлажнить пересохшее горло. Она красива, даже с размазанной чернотой под уставшими глазами.

– Овен. День рождения в конце марта, – отвечает она, отводя глаза и осматривая двор. – Моя лучшая подруга любит знаки зодиака.

– Моя сестра тоже.

Она кивает, но не пытается сесть. Почему-то это меня беспокоит. Я хочу, чтобы эта незнакомка посидела со мной хотя бы несколько минут.

– Присоединишься ко мне? – спрашиваю я. Она мнетя, глядя в землю. – Можешь рассказать мне, почему плакала, или посидим молча. Однако у меня есть шестнадцатилетняя сестра, и мне говорили, что я умею слушать.

Она на минуту задумывается.

– Почему ты один на улице?

– Честно?

– Честно.

– Я не любитель вечеринок.

– Да, я тоже.

Я сцепляю руки в замок и кусаю губу.

– Хочешь на стул? Я могу посидеть на земле.

В ответ она сокращает расстояние между нами и садится на траву, прижав коленки к груди. Я медленно поворачиваюсь лицом к ней и понимаю, что она тоже смотрит на меня. Мое сердце сильно бьется.

– Ты хоккеист.

Это не вопрос.

Я сглатываю.

– Это плохо?

– Мой бывший – хоккеист.

Ее слова полны яда, и мое любопытство растет.

– Он здесь?

– О, он здесь. Я нашла его в ванной, с членом в горле какой-то девушки.

– Блин, – морщусь я.

Она смеется, но мрачно, невесело.

– Ты когда-нибудь делал что-то подобное? Приводил девушку в ванную за отсосом, когда в другой комнате тебя ждала та, которая любит?

Мои ладони чешутся от желания обнять эту девушку, но я вытираю их о бедра.

– Нет. Парень не должен так поступать.

– Ты прав. Не должен.

– Ты поэтому плакала? Из-за того придурка?

– Жалкое зрелище, верно? Если бы Морган была здесь, она меня встряхнула бы.

– Это твоя лучшая подруга? – спрашиваю я.

Она кивает.

– Похоже, хорошая. Я мог бы тебя встряхнуть, но не думаю, что это будет то же самое, – говорю я, сохраняя легкий тон.

Она невольно улыбается, и я тоже расплываюсь в улыбке. Живот крутит от незнакомых ощущений, когда она пристально смотрит на меня с любопытством.

– Думаю, со стороны это выглядело бы ужасно. Ты намного больше меня.

Мозг моментально наполняется картинками разных способов, которыми мы могли бы исследовать эту разницу в размерах, и мой член напрягается. Тряхнув головой, прогоняю эти мысли.

– В тебе сколько? Пять футов шесть дюймов? Это не мало, – говорю я.

– Почти. Пять футов и шесть с половиной дюймов.

Я смеюсь.

– Без половины никак.

Она закатывает глаза:

– Не у всех есть лишние дюймы. Оставь мне мою половину. Дай угадаю, шесть футов три дюйма?

– Шесть футов и три с половиной дюйма, – хитро отвечаю я.

– Врунишка.

– Не-а. Будь мы получше знакомы, ты могла бы измерить меня прямо сейчас.

Ее щеки алеют, и я захожусь смехом. Удивительно, что не сбежалась толпа.

– Я не это имел в виду, – заверяю ее.

– То-о-очно, – тянет она, расплываясь в улыбке.

От бассейна доносится всплеск, и мы оба поворачиваемся в ту сторону. Пьяный парень с голым торсом и торчащими во все стороны светлыми волосами нарезает круги в забросанной красными стаканчиками воде и орет смутно знакомую мне песню. Звучит ужасно.

– Это... песня из «Моаны»? – бормочет она.

– Типа мультик со Скалой?

– Он самый.

Прищурившись, я узнаю Брэдли Каплана, мощного форварда «Сторм», и смеюсь.

– Это Брэд. У него младшие сестры-близняшки. Им четыре года.

– Логично. Мы с друзьями каждую субботу устраиваем вечер кино. Несколько недель назад смотрели «Моану».

Я не успеваю подавить вспышку ревности.

– Вы все близки?

Она хмыкает.

– Да. Мне с ними повезло.

– Ты рассказала им о том, что произошло сегодня?

Если бы я был ее другом, то уже ехал бы сюда, чтобы навалить этому парню. Черт, если бы я думал, что она скажет мне, кто этот придурок, то пошел бы в дом и сломал ему нос.

– Боже, нет. – Она давится смехом. – Это была бы катастрофа.

Я выгибаю бровь.

– Они тебя оберегают?

– Очень.

Я улыбаюсь ей.

– Хорошо. Значит, они позаботятся о тебе.

Должно быть, мои искренние слова ее удивляют, потому что она ничего не отвечает. Изумрудные глаза внимательно смотрят на меня, как будто пытаюсь проникнуть мне в голову. Они сверкают даже в темноте.

Я стучу костяшками по подлокотнику и выпаливаю:

– Как тебя зовут?

Она кривит уголок губ.

– Я едва тебя знаю.

– Друзья зовут меня Ли, – отвечаю я, удивляясь сам себе.

– А мои зовут меня Ава.

Я улыбаюсь.

– Итак, Ава. Это значит, что теперь мы с тобой друзья?

Наши взгляды встречаются. Ее слипшиеся от туши ресницы касаются кожи под глазами, и я сдерживаюсь, чтобы не вытереть черные пятна большим пальцем.

В животе взрывается порхающее ощущение, от которого в голове мечутся мысли в попытках понять, что происходит.

– Да, Ли. Полагаю, что так, – шепчет она.

От ее улыбки мозг коротит, оставляя только одну мысль.

Я никогда не был так счастлив обзавестись другом.

Глава 3

Три месяца спустя Ава

– Ава, шевели булками! Игра начинается через час! – орет Морган, колотя в дверь моей спальни.

– Расслабься, чокнутая, – отвечаю я, и моя лучшая подруга-соседка с ворчанием топает прочь.

Быстренько оглядев себя в зеркале в полный рост, я разворачиваюсь на пятках и выхожу из спальни.

Не могу сказать, что от моего черного худи с эмблемой «Ванкувер Сэйнтс» и рваных джинсов-скинни у людей упадет челюсть, зато знаю, что не замерзну до смерти на арене.

Когда я вхожу в гостиную, Морган уже ждет меня на диване. Мы живем вдвоем в маленькой квартирке с двумя спальнями в пятнадцати минутах от Ванкуверского университета. В ней нет ничего особенного, но для нас более чем достаточно.

На кухне маленький остров со светлыми гранитными столешницами, которые сочетаются со светлыми деревянными шкафчиками и аксессуарами из нержавеющей стали. Напротив гостиная, наполненная солнечным светом, который льется в большие – от пола до потолка – окна.

Платиновые волосы Морган, как всегда, лежат крупными локонами чуть ниже плеч, а длинные густые ресницы порхают, когда она замечает меня и улыбается.

Ее парень, Мэттью, основной вратарь хоккейной команды «Ванкувер Сэйнтс» – одной из топовых молодежных команд западной Канады – а значит, я, как официальная лучшая подруга, обязана сопровождать ее на каждую игру, включая сегодняшнее открытие сезона.

– Готова? – спрашиваю я, проходя мимо дивана.

Она вскакивает и идет следом за мной.

– Я готова последние полчаса, Октавия. Тебе повезло, что я не выломала дверь и не выволокла твою дерзкую задницу десять минут назад.

Я морщусь при упоминании своего полного имени, но не закидываюсь на этом и открываю дверь. Через секунду ко мне присоединяется Морган, и мы спускаемся вниз.

Внутри своего нового «Джипа» – подарка от родителей, работающих акушерами-гинекологами, – она окидывает меня взглядом и заводит двигатель. Все раздражение улетучивается и сменяется радостным возбуждением.

– Ты же пойдешь с нами ужинать после игры, верно? Если нет, то я задохнусь от тестостерона.

Я мысленно стону.

– У меня домашка.

– Уже? Господи, они не могли подождать хотя бы второй недели учебы?

Я смотрю на нее, пока мы выезжаем на дорогу.

– Тебе еще не задавали?

– Не-а. Хотя у меня в этом семестре всего три предмета. Не хотела перегружать себя, как в прошлом году. Я говорила, что тебе следует сделать так же.

Специальность Морган – английская литература. Это логично, учитывая, что она настоящий книжный червь, хотя и скрывает свою истинную сущность.

– Просто я хочу закончить как можно скорее. В итоге это будет оправданно, – защищаюсь я. – К тому же пять предметов на семестр вполне нормально.

Она вздыхает:

– Я просто хочу, чтобы ты немножко жила, и все. Не поверю, что целыми днями слушать про ужасы социальной работы очень весело.

Я пожимаю плечами.

– Лучше уж так, чем быть в самой системе и переживать кошмары по-настоящему. Я всегда предпочту учебу, чем вернуться туда.

– Извини. Это было нетактично.

Я накрываю ладонью ее пальцы, сжимающие руль.

– Все хорошо. Я давно перестала обижаться на прошлое.

– Итак, – улыбается она, – значит ли это, что ты пойдешь со мной сегодня?

Я со смехом возвращаю руку на колено.

– Ты упорная.

– Пожалуйста-препожалуйста?

– Кто там будет?

Когда она начинает барабанить пальцами по рулю, я подаюсь вперед и прищуриваюсь.

– Морган?

– Мы и ребята, – пищит она.

– Подробнее.

Она начинает барабанить быстрее:

– Мэтт, Тайлер, Адам и Оукли Хаттон.

Что ж, не могу сказать, что не предвидела этого. Закрыв глаза, медленно выдыхаю.

Пресловутый Оукли Хаттон. Слухи про нового хоккейного бога ходят по городу с тех пор, как он переехал сюда несколько месяцев назад. Интересно, как нам повезло заполучить ужин в его обществе?

– Спасибо, но нет, – отвечаю я.

– Спасибо, но нет? – недоверчиво повторяет Морган.

– Ага, – киваю я. – Рада, что мы все прояснили.

– Ты даже не знакома с ним! – Ее голос звучит выше, чем обычно. – Брось. Он живет с Мэттом и Брейденом с тех пор, как переехал, и пока не было никаких проблем. Я видела его мельком, и он красавчик. Приехал из какого-то маленького городка в нескольких часах езды отсюда.

– Если Оукли хоть немного похож на остальных парней из команды, то мне не нужно знакомиться с ним, чтобы знать, что я не заинтересована.

– Это несправедливо, Ава. Ты прекрасно общаешься со многими парнями из команды.

– Да, общаюсь. Как друг. Я не стала бы встречаться ни с кем из них, и у меня есть ощущение, что именно это ты и задумала.

Она скрипит зубами и резко втягивает воздух.

– Ладно. Ты не обязана разговаривать с кем-то, кроме меня. Просто пойдем, пожалуйста.

Я смотрю ей в глаза.

– Хорошо. Но ненадолго.

Просияв, она восторженно хлопает по рулю.

– Спасибо, детка. Клянусь, будет весело.

Я устраиваюсь поудобнее и прогоняю из головы мысли об ужине. Вместо этого двадцать минут, которые занимает дорога до арены, я готовлюсь к тому, что увижу, когда мы войдем через главный вход.

Орущие толпы фанатов, внезапное падение температуры и группы девушек, толкущихся в коридорах в поисках игрока, который отвезет их домой и станет темой для разговоров завтрашним утром.

Несколько лет таскаясь с игры на игру, с турнира на турнир, учишься держаться подальше от раздевалок сразу после матча. Запаха похоти и облака дорогого парфюма достаточно, чтобы вынести мозг.

Стоит нам припарковаться и войти, я почти не слышу слов Морган за криками «„Сэйнтс“, вперед!» и прочими, которые пытаюсь игнорировать. С трудом поспеваю за подругой, я в итоге просто опускаю голову и позволяю ей тянуть меня сквозь толпу к нашим местам.

Игра начинается медленно, но это быстро меняется после второго перерыва. До конца третьего периода остается десять минут, и «Сэйнтс» ведут три – два.

Сегодняшняя победа должна быть легкой, поскольку в составе «Иглз» отсутствует длинный список игроков, но наши небрежны. Легкомысленны и самонадеянны.

Возможно, сказывается нервозность начала сезона или ложная уверенность, рожденная переходом в команду потенциального игрока НХЛ, но что бы ни было, они должны подавить самоуверенность в зародыше, пока она не распространилась как вирус. Прошлый сезон закончился для «Сэйнтс» неприятно, и я знаю, как сильно они хотят принести домой награду в этом году.

Атмосфера ощутимо меняется, когда к Брейдену Лоури, одному из лучших защитников «Сэйнтс», применяют запрещенный силовой прием со спины. Массивное тело Брейдена падает на лед, и он несколько долгих секунд лежит, прежде чем неуверенно подняться с помощью других игроков.

Толпа взрывается сердитыми возгласами, а некоторые фанаты начинают размахивать этими идиотскими пластмассовыми трещотками. Я хмурю брови и только потом понимаю, на что – или кого – они кричат.

Игрок, отправивший немаленького Брейдена валяться на льду, теперь нарезает круги перед нашим звездным новичком Оукли Хаттоном.

Танцы продолжаются недолго, Оукли рвет вперед, как сбесившийся бык, и хватает соперника за грудки, притягивая его к себе. В мгновение ока Оукли скидывает перчатки и отправляет сильный хук справа прямо в лицо защитнику. Парень не успевает ответить, лишь раскрывает рот, произнося слова, которые я хотела бы услышать, и Оукли наносит еще один удар, на этот раз в живот.

Наш новый игрок продолжает жестокое избиение, его губы двигаются, когда он говорит что-то поверженному зачинщику. Оукли нависает над своим противником, и я невольно замечаю, насколько он высок. Хоккейное снаряжение мешает мне рассмотреть его получше, но, судя по силе ударов и тому, что игрока «Иглз» уводят со льда в сторону раздевалок, я догадываюсь, что с мускулами у него тоже все в порядке.

Пихнув меня в бок, Морган наклоняется к моему уху:

– Это Оукли. А он умеет драться.

Она смотрит на меня с игривым блеском в глазах, но, когда отворачивается, ее лицо застывает.

– О нет! Его удаляют!

Я резко поворачиваю голову вперед и сразу же встречаюсь с яростным взглядом зеленых глаз. Оукли идет в раздевалку. Вернее, к коридору, ведущему к раздевалкам. К тому самому коридору, возле которого, краснея, сижу я.

Его брови сведены вместе, губы сжаты в тонкую линию, он смотрит мне в глаза и не собирается их отводить. В ушах взрывается белый шум, я сжимаю пальцами колени, как будто это каким-то образом вытаскивает меня из тумана в голове.

Мое сердце перестает биться, когда он подходит ближе. Достаточно близко, чтобы я заметила шрам над уголком его губ и глубину хвойно-зеленых глаз. Тех самых глаз, в которые несколько часов смотрела той ночью три месяца назад.

Боже мой. На его лице мелькает узнавание, глаза расширяются, и он сбивается с шага. Опирается рукой на стену коридора, чтобы не упасть, и тяжело сглатывает, так что напрягается горло.

С трясущимися коленками я подаюсь вперед, не в состоянии отвести глаза, пока он идет дальше по коридору. Только когда мы вынуждены прервать зрительный контакт, я заставляю себя сесть нормально.

Я закрываю глаза и дотрагиваюсь до щек, ни капли не удивляясь, что они горячие и пульсируют в собственном ритме.

– Вы знакомы, что ли?

Я бросаю взгляд на Морган, с неудовольствием замечая, как она с намеком играет бровями.

– Ему повезет, если его не отстранят за такое, – бормочу я, пытаясь прогнать последние несколько минут из памяти. Но Оукли невозможно забыть, совсем как тот вечер.

– Можешь пойти сегодня без меня?

Пожалуйста, скажи «да».

Морган недовольно фыркает.

– Ты шутишь, да? «Иглз» это заслужили. И ни за что, ты идешь. Ты слишком давно никуда не выбиралась вместе со всеми.

Я застываю. Волоски на руках встают дыбом.

– Я дала тебе передышку после вашего с Дэвидом расставания, но прошло уже три месяца. Не позволяй случившемуся мешать тебе веселиться время от времени, – говорит она.

Я терпеть не могу, как она смотрит на меня: как на бомбу, которая может взорваться от малейшего дуновения.

Я знаю, что Морган просто хочет помочь, но это не так легко, как она думает. Дэвид был моим парнем в школе, но наши отношения продолжились в университете. Мы встречались два года, и наше расставание стало катастрофой эпических масштабов.

– Тебе никогда не приходило в голову, что не Дэвид мешает мне тусоваться, как ты хочешь? – огрызаюсь я. – Что, если я просто хочу сосредоточиться на учебе? Неужели это правда так плохо?

Морган вздрагивает.

– Нет, конечно, это не плохо, Ава. Я этого не говорила. Мне просто не нравится смотреть, как ты торчишь в своей комнате, как затворница, когда есть люди, которые счастливы провести время с тобой.

– То есть это никак не связано с твоей нездоровой одержимостью сводничеством? – Она молчит чуть дольше, чем нужно. – Так я и думала. – Я шумно выдыхаю. – Я пойду сегодня, но я серьезно, Морган. Дай мне жить по-своему.

– Хорошо, – соглашается она.

К счастью, она оставляет эту тему, и оставшиеся несколько минут игры мы молчим.

Больше ни одна команда не забивает, и «Сэйнтс» выигрывают.

Глава 4

Ава

После игры мы с Морган первыми приезжаем в «Закусочную Люси». Меня окружают сильные, знакомые запахи жирных бургеров и кофе, и желудок урчит, напоминая, что я ничего не ела с самого завтрака.

«Люси» много лет является неотъемлемой частью моей жизни. Приемные родители привели меня сюда в день, когда мы завершили процедуру удочерения, и с тех пор это одно из моих любимых мест.

Мы могли сидеть здесь часами, болтая обо всем, начиная с моего домашнего задания и заканчивая новой драмой в школе. Я скучаю по тому, как просто все было тогда. До того, как школа и друзья поглотили все мое время и энергию.

Пока мы ищем свободный столик, Морган берет меня под руку. Мы быстро находим бирюзовые диванчики возле окна и садимся ждать остальных – Морган с одной стороны стола, я с другой.

– Мэттью написал. Они с Адамом и Тайлером только что подъехали, – говорит Морган через пару минут.

Я с радостным предвкушением оглядываю закусочную и отмечаю, что сегодня не оченьлюдно для субботнего вечера. Чем тише в закусочной, тем меньше народа будет подходить к нашему столику поболтать с тремя звездными игроками «Сэйнтс».

Мэтт с Тайлером не поощряют вмешательства, но Адам – любитель пофлиртовать – совсем не против. До того, как я подружилась с ребятами, я сочла бы, что все они жаждущие внимания козлы, но чем больше я узнавала их, тем больше они удивляли меня в хорошем смысле.

Я не тесно дружу с Мэттом и Тайлером, но с Адамом мы близки почти так же, как с Морган. Однако все трое были рядом, когда это было важно, и это все, о чем я могу просить.

Я как раз открываю рот, чтобы ответить Морган, как звенит дверной колокольчик и входят три парня.

Излучая уверенность в себе, они направляются к нашему столику. У всех троих влажные волосы и повседневная одежда в противоположность форме, которую они надевают на игры. Адам с ростом шесть футов и два дюйма самый высокий, дальше идет Тайлер и потом Мэтт.

Когда они подходят к нашему столику, я сдвигаюсь в сторону, освобождая место.

– По крайней мере, на этот раз вы помылись. Я забыла взять что-нибудь, чтобы заткнуть ноздри.

Адам садится рядом со мной, широко улыбаясь, и, обхватив левой рукой за плечи, придвигает к себе. От него хорошо пахнет. Одеколоном, который стоит слишком дорого.

– Смешно, О. Тебе похлопать? – спрашивает он, продолжая улыбаться.

Тайлер садится рядом с Адамом и сцепляет руки в замок на столе.

– Вы уже сделали заказ? Я умираю с голода.

– Нет. Морган отослала официантку, когда мы пришли, но она скоро должна вернуться, – говорю я.

Я перевожу внимание на Мэттью, который пристраивается рядом с Морган и целует ее в макушку. Его рука ложится на спинку диванчика.

– Привет, детка.

Она улыбается, глядя своими сияющими голубыми глазами в его темные.

– Привет, Мэтт. – Она поворачивается к остальным парням. – Вы, ребята, хорошо перестроились после той драки.

– Мы играли дерьмово, Мо. Неважно, как мы закончили, – ворчит Адам.

– Дерьмовая победа все равно победа, – говорю я, щипая его за бок.

– Попробуй сказать это тренеру, – мрачно смеется Тайлер. – Он выпорол бы нас по задницам в раздевалке, если бы мог.

– Как Брейден? С ним все хорошо? – спрашиваю я.

Все трое кивают, но говорит Адам:

– Как новенький. Этот ублюдок слишком упрям, чтобы позволить кому-то вполонину меньше усадить себя на скамейку.

– Ава уверена, что вашего бойца отстранят за эту драку, – вставляет Морган, лукаво блеснув глазами. – Так что?

Я сердито смотрю на нее, а Тайлер поворачивается и кивает головой на дверь.

– Можешь спросить у него сама.

Первыми привлекают внимание его глаза, их глубина заставляет дрогнуть. Они транслируют какую-то незнакомую мне эмоцию, которая скапливается у меня в животе штабелем кирпичей.

Оукли моргает, и все исчезает.

Резкая перемена в его поведении вызывает во мне больше любопытства, чем хотелось бы. Я прокашливаюсь и отвожу взгляд, только чтобы зацепиться за четкие линии его челюсти.

Меня поражают грубые, словно высеченные черты его лица. Начиная с искривленного носа, который явно ломали несколько раз, и острых скул и заканчивая пухлыми губами, у которых, я уверена, вкус стопроцентного мужчины. Он явно одно из любимых творений Господа.

Следом мое внимание привлекают бесконечные рукава черных татуировок, покрывающие его предплечья с выступающими венами, когда он берется за бейсболку на пепельно-русых волосах. Он снимает ее, только чтобы провести пальцами по взлохмаченным прядям и снова надеть. Его бицепс напрягается, и такое простое действие не должно быть настолько горячим, но, несмотря на это, мои трусики становятся влажными.

Той ночью на нем не было кепки, и я благодарна за это. Иначе было бы еще труднее не вскарабкаться на него, как на дерево.

Заставив себя перестать пялиться на него, я обвожу взглядом помещение и пытаюсь сосредоточиться на чем угодно, кроме парня, который теперь смотрит на меня с озорной усмешкой.

– Извините, я опоздал.

Его голос чистый грех. Плавный и в то же время жесткий. Одновременно светлый и темный. Я пытаюсь подавить дрожь, но у меня ничего не получается.

– Все хорошо, – говорит Адам.

– О, привет! – улыбается Морган. – Ты ж не против сесть у окна, Оукли?

Я перевожу взгляд на ее невинную улыбку и проглатываю свои растущие подозрения. Место у окна прямо напротив меня.

– Морган не нравится быть прижатой к окну, – добавляет Мэтт, пожав плечами.

О да, они заодно.

– Да, конечно. Мне без разницы, – говорит Оукли.

В ту же секунду Морган выпихивает Мэттью с их диванчика и вылезает следом, давая Оукли знак садиться на ее место. Я цепляю на лицо натянутую улыбку и планирую для подруги медленную и болезненную смерть, пока она садится обратно.

– Ты всегда так разглядываешь парней или это только для меня? – шепчет Оукли в следующее мгновение.

Его слова ласкают мою кожу, что я должна бы ненавидеть.

Я прямо смотрю ему в глаза, отказываясь тушеваться под лукавым взглядом. Сердце сбивается с ритма, когда я понимаю, что он обращается ко мне.

– Я бы сказала, что это только для тебя, но соврала бы, – говорю я со всей напускной уверенностью, которую могу изобразить.

Он мягко смеется.

– И снова здравствуй, Ава. – Его тихий шепот предназначен только для меня, после чего Оукли откидывается на спинку и спрашивает: – Как тебя зовут, красавица?

Я удивленно моргаю. Он скрывает наше знакомство ради себя или ради меня? И комплимент тоже для вида?

– Октавия! – верещит Морган. – Ее зовут Октавия.

– Ава, – поправляю я, бросая на нее неодобрительный взгляд, прежде чем посмотреть обратно на Оукли. Я расслабляюсь. – Твое я уже знаю. Похоже, у тебя особый способ представляться, Оукли.

– Это надо было сделать. Я просто стал тем, кто позаботился об этом.

Он пожимает плечами, как будто избить совершенно незнакомого человека – это нормально. Возможно, для него так и есть.

Он закрывает тему и переключает внимание на меню перед собой. Я понимаю намек и делаю то же самое, несмотря на то, что знаю меню наизусть.

Ясно, что его открытость на той вечеринке была редкостью.

– Поверить не могу, что тебя отстранили, бро. Та команда весь вечер играла грязно. Даже тренер согласился, что они нарывались. Как пальцы? – встречает Мэттью, широко улыбаясь, как маленький провокатор, коим он и является.

Глядя на руки Оукли, держащие меню, я замечаю белую повязку на правой кисти.

– Чертовски болят, – отвечает он.

– Мне любопытно, что тот парень сказал тебе, – снова говорит Мэтт. – Никто из нас не слышал, но ты выглядел разозленным.

Оукли молчит несколько секунд, но потом отвечает:

– Просто всякое дерьмо про команду.

Он прочищает горло и меняет тему:

– Кто голоден? Я точно.

Словно по команде, к нашему столику подходит официантка. На вид она наша ровесница, медные волосы длиной до плеч обрамляют ее личико с двух сторон. Настороженно глядя на нас, она теребит в руках свой блокнот и сильно краснеет.

Ее нервозность легко понять: надо полагать, из-за великолепных мужских экземпляров, желающих сделать заказ. Могу ли я ее винить? Нет. На ее месте я уже наложила бы в штаны от страха.

– Привет! Я Дженни и сегодня буду вас обслуживать. Что вам принести? – спрашивает она, ее ручка порхает над блокнотом.

– Я буду ванильный коктейль, чизбургер и порцию спиралек из картошки, пожалуйста, – говорит Оукли мягко, уловив ее нервозность, и я не пытаюсь скрыть одобрительную улыбку.

Официантка поднимает брови, выжидающе глядя на меня, но прежде чем я успеваю сформулировать связное предложение, Адам заказывает за меня:

– Клубничный коктейль, двойной чизбургер и луковые кольца для меня и то же самое, но с картошкой вместо лука для дамы. Спасибо.

Я закатываю глаза:

– Я и сама могла бы заказать.

– Я знаю, но мне захотелось продемонстрировать лучшего друга. Подай на меня в суд.

Он снова обхватывает меня рукой за плечи.

Морган фыркает, и я недовольно смотрю на нее, подняв брови. Она переводит взгляд с Адама на меня. Я склоняю голову набок и одними губами спрашиваю: «Что?» Она закатывает глаза и кивает на окно.

Я медленно перевожу взгляд в сторону и вижу, что Оукли с любопытством смотрит на меня – или, скорее, на руку на моем плече – но отводит взгляд, как только я его перехватываю.

Я закусываю губу и опускаю глаза, слишком пристально разглядывая инициалы, вырезанные на столешнице. Разговор продолжается, все обсуждают прошедшую неделю и дату следующей игры, как будто Морган не расписала весь сезон в нашем общем календаре.

По ощущениям, мы болтаем несколько часов, и к тому времени, как официантка приносит нам еду, я умираю от голода.

Я утаскиваю у Адама луковое колечко и подношу его ко рту, но тут Оукли произносит:

– Не понимаю, как ты это ешь. Лук на вкус как грязные носки.

– Грязные носки? – повторяю я, моргнув. Он кивает. – А ты пробовал много грязных носков в жизни?

Его губы раздвигаются в улыбке.

– Хочешь сказать, что ты нет?

– Именно это я и говорю.

– Я не пробовал грязных носков раньше, но, если бы мне пришлось предположить, каковы они на вкус, я бы назвал луковые кольца.

Мои плечи трясутся от смеха.

– Ты идиот.

– Лучше я буду идиотом, чем тем, кто любит вкус грязных носков, – парирует он, ухмыляясь.

Глядя ему в глаза, я кладу луковое кольцо в рот и, прожевав, проглатываю с неприличным стоном.

– Ням!

– Господи, Ава. Может, хочешь уединиться? – ржет Тайлер.

Мои щеки горят от стыда. Жгучий взгляд Оукли пронизывает меня, но я опускаю глаза на свою порцию картошки и мечтаю исчезнуть.

Пальцы Адама успокаивающе гладят мою руку, и я занимаюсь своей картошкой.

* * *

Когда через час мы уходим, Морган берет меня под руку.

После моего супернеловкого сексуального опыта с луковым кольцом Адам быстро сменил тему на интересующую всех: какой фильм мы будем смотреть завтра вечером. Оукли тоже пригласили. Целых пятнадцать минут спорили между «Запасными игроками» и «Могучими утятами», но в итоге выбрали последний.

Морган притягивает меня ближе к себе и шепчет:

– Кажется, ты неплохо поладила с Оукли.

– Не начинай.

Парни вчетвером идут впереди нас, их дружный смех эхом разносится по стоянке. Солнце давно зашло, покинув усеянное звездами небо, которое закрывают окружающие здания.

– Ой, расслабься. Я просто констатирую очевидное.

– Он кажется довольно приятным.

Это несправедливое преуменьшение, но я пока не готова объяснять что-то Морган. Когда сама еще в растерянности.

В груди расцветает боль, когда я смиряюсь с тем фактом, что он здесь уже три месяца, а я ни разу его не видела. Три месяца потрачено на мысли о том, где Ли и чем занимается, пока я провожу лето, работая в приюте для животных и загорая на пляже.

Какая напрасная трата времени.

Мы едва знаем друг друга, но проведя вместе пять часов в темноте, разговаривая абсолютно обо всем, мы сблизились. Почувствовали связь. Которую было больно разрывать, когда пришлось прощаться.

– И то, что он выглядит как модель, тоже неплохо.

Я щипаю ее за внутреннюю сторону бицепса и отскакиваю в сторону, когда она вопит, замахиваясь на меня.

Парни разворачиваются и с любопытством смотрят на нас. Я поднимаю руки и киваю на Морган:

– Она увидела паука.

Мэтт смеется первым, протягивая ей руку.

– Иди сюда, детка. Я тебя защищу.

Сердито зыркнув на меня, Морган спешит к своему парню, обнимает его обеими руками и вздыхает, словно дева в беде.

– Мой герой.

– Чертовски верно. Не забывай об этом, солнце.

На сердце теплеет при взгляде на то, как Мэтт притягивает ее к своему боку и собственнически обнимает одной рукой за плечи. Если кто и заслуживает любви, которую так щедро дарит Мэтт, то это Морган.

Я прибавляю шаг и догоняю компанию, вставая между высоченными фигурами Оукли и Адама.

– О, ты, как обычно, едешь с Морган или тебя подвезти? – спрашивает Адам.

Он достает из кармана ключи от своей «Генезис G90» и звенит ими.

Шикарную тачку подарили ему родители-юристы после того, как в последний момент передумали и не пришли на финал плей-офф «Сэйнтс» в прошлом сезоне. Да, команда проиграла. Но его семья должна была быть там. Я из первых уст знаю, как ранило его их отсутствие.

Я улыбаюсь ему снизу вверх.

– У Морган все схвачено. Но спасибо.

Он выглядит недовольным, но не настаивает, а, быстро обняв меня на прощание, идет к своей машине и садится в нее.

«Джип» Морган стоит между машиной Адама и старым лифтованным белым пикапом с серьезным ржавым пятном на задней левой колесной нише.

Я поворачиваюсь к Оукли и встречаюсь с его выжидательным взглядом.

– Это твой?

– Да.

Его лицо настороженное, как будто он боится, что я скажу, что мне не нравится. От этой мысли я внутренне усмехаюсь.

– У моего папы был такой же. «Форд» девяносто четвертого года. Он любит старые автомобили, – говорю я.

Оукли удивленно моргает.

– Твой какого года? Девяносто шестого? – спрашиваю я с самоуверенной улыбкой.

– А ты разбираешься в тачках, – просто отвечает он.

Я пожимаю плечом.

– Достаточно, чтобы знать, что тебе следует позаботиться об этой ржавчине, пока она не расплзлась.

Он разражается смехом, который я ощущаю всем телом вплоть до пальцев на ногах.

– Планирую ею заняться. У меня пока не было на это времени.

– Жизнь будущего профессионального хоккеиста, верно?

Ответить Оукли не успевает, потому что Морган кричит с водительского места своего джипа:

– Ава, ты готова ехать?

– Иду! – кричу я в ответ.

Пристальный взгляд Оукли жжет мне спину, пока я спешу к ней, чтобы она не уехала без меня.

– Я же увижу тебя завтра вечером? – кричит он мне вслед.

Я проглатываю удивление из-за его интереса и кричу, не оглядываясь:

– Ага!

Дойдя до джипа, я сажусь в него и тяжело вздыхаю.

И что теперь?

Глава 5

Ава

– Убери свой член с моей ноги, придурок, – рычит Тайлер.

Я отрываю взгляд от экрана и давлюсь смехом. Сидящий на полу Адам перегнулся через Тайлера и тянется за куском пиццы в коробке, стоящей на журнальном столике.

– Я не виноват, что так щедро одарен природой, что это чувствуется при малейшем касании, – парирует Адам.

Со вздохом облегчения он хватается за кусок и садится обратно, запихивая его в рот.

– Вы оба отвратительны, – говорит Морган.

– Срочная новость, Мо, твой парень такой же пошлый, – ржет Адам.

Мэтт дергает Адама за волосы:

– Не подставляй меня, придурок.

Тайлер повторяет за Мэттом, но захватывает больше волос Адама и тянет.

– Заткнись и ешь свою пиццу.

Я качаю головой и складываю руки на коленях, возвращаясь к фильму.

– Они всегда такие? – спрашивает Оукли.

Его голос низкий и слишком чувственный, как по мне. Он так близко, что я слышу и чувствую кожей каждый его размеренный выдох.

Я слглатываю и пытаюсь игнорировать жар его тела сбоку от меня. Мы сидим рядом, не касаясь друг друга, Морган с Мэттом – на другом конце дивана, а Тайлер и Адам – перед нами.

В первые минуты фильма бедро Оукли – все эти твердые, теплые мышцы – несколько раз задевало мое, но каждый раз я каменела, как чертова статуя. После этого он держит свои конечности подальше от меня.

Я не ожидала, что он придет сегодня. К своему стыду, я думала, что у такого парня найдутся более интересные занятия, чем проводить воскресный вечер, бездельничая в компании едва знакомых людей. Я одновременно поразила и разнервничалась, заметив его в гостиной Адама, когда мы с Морган привезли пиццу.

Близость Оукли вызывает в моем организме внезапный всплеск удовольствия. Я заметила это в нашу первую встречу, и с тех пор только прогрессирует. Это меня пугает.

Из аудиосистемы раздается громкая музыка и вырывает меня из задумчивости.

– Да. Но ты научись не обращать внимания, – отвечаю я.

Он низко мурлычет горлом.

– Я не тусовался так со своей старой командой. Только с лучшим другом.

Я убираю волосы за ухо и бросаю взгляд на него. Оукли смотрит на экран, его челюсти сжаты, а длинные пальцы барабанят по подлокотнику. Этого парня невероятно сложно читать.

– Почему ты не тусовался с ними? – спрашиваю я, не удержавшись.

Он поворачивает голову, и я встречаюсь с темно-зелеными глазами цвета густого леса после долгого ливня.

– Хороший вопрос. Я никогда не думал об этом до сегодняшнего дня. Наверное, у нас были разные интересы.

– Вечеринки, выпивка, травка и секс? Вас, парней, нетрудно охарактеризовать.

Его губы кривятся в гримасе.

– В это, может быть, трудно поверить, но мы не все одинаковые.

– Достаточно, чтобы сделать общее допущение.

– И то верно.

В нашем разговоре возникает пауза, которая заставляет меня вернуться к фильму, чтобы избежать ненормально долгого зрительного контакта.

Некоторое время мы молчим, отчего у меня рождаются мысли, что я задела его своим комментарием.

Его следующий вопрос приходит с необычной стороны, заставляя меня разинуть рот.

– Можно потом я отвезу тебя домой?

– Типа... сегодня? – медленно спрашиваю я.

Он смеется:

– Да, Ава. Сегодня. После фильма. Надеялся уговорить тебя сделать крюк. Я нашел место, которое хочу показать тебе.

Дыхание Морган сбивается, значит, она, вероятнее всего, слышала все, о чем мы говорили во время фильма. Здорово. Я напрягаюсь и искоса бросаю на Оукли любопытный взгляд.

– Ты же не собираешься везти меня на место, где совершаешь убийства? Уверена, если со мной что-нибудь случится, Морган тебя выследит, – предупреждаю я.

Усмешка Оукли растягивается в полноценную улыбку.

– Никаких убийств. Обещаю.

– Откуда внезапный интерес? – не могу удержаться я от вопроса.

– Нам есть о чем поговорить, – не раздумывая отвечает он. – Похоже, в ту ночь мне было мало тебя.

По причине, которую я не могу и не хочу понимать, его честности достаточно, чтобы убедить меня. Ее и мурашек, которые вызывают его слова.

– Хорошо. Можешь отвезти меня домой.

* * *

Оукли

Есть в Аве что-то, что заставляет мои мысли бегать по кругу, словно мышь в колесе.

Она честная вплоть до резкости. В ней есть смелость, которой я невольно завидую. Каким-то ненормальным образом, думаю, именно это и привлекло меня в ней в первую очередь.

Но при этом вокруг нее существует стена. В которой мне хочется пробить дыру. Что-то подсказывает мне: то, что я найду за всей этой сталью, стоит усилий.

Девушка, которую я встретил на заднем дворе Андре, с размазанным макияжем и дорожками слез на щеках, далека от той, которую я начал медленно узнавать позже той ночью, и еще дальше от женщины, которую я узнал в Ванкувере.

Но есть что-то большее. Намного большее. И мне необходимо быть тем, кто запустит свои когти в это и исследует.

– Итак, ты предпочитаешь ехать в тишине или мы можем послушать музыку? – спрашивает Ава, тепло в ее голосе посылает дрожь вверх по моему позвоночнику.

Я подавляю желание поморщиться, когда понимаю, что последние несколько минут мы едем в тишине. Выпрямившись, я передаю ей провод.

– Вот, извини. Выбирай.

Она кивает и подсоединяет свой телефон к магнитоле, выбирая жизнерадостную попсу, которую часто включала моя сестра.

– Я удивлен. Не думал, что ты поклонница бойз-бэндов.

Отважившись бросить быстрый взгляд в сторону, я вижу, что она поворачивается всем телом и холодно смотрит на меня.

– Если у тебя проблемы с «Братьями Джонас», мне придется попросить тебя остановиться и выпустить меня сейчас же.

Мои плечи сотрясает громкий смех.

– Расслабься, юмористка. Я хорошо разбираюсь в мире бойз-бэндов, спасибо. Моя сестра с семи лет вешала на стену постеры с Гарри Стайлсом.

– У нее хороший вкус.

– Наверное. Это не самое плохое увлечение для семнадцатилетней девушки. Вроде мальчиков и наркотиков, например.

Ава согласно хмыкает, поворачиваясь обратно. Она гораздо меньше напряжена, чем несколько секунд назад. Не представляю, чтобы неловкая тишина была очень расслабляющей.

– У тебя есть другие братья и сестры? – спрашивает она.

Я сворачиваю на нужный нам съезд с шоссе. Теперь дорогу окружают пышные зеленые деревья, закрывающие звезды.

– Нет. Грейси более чем достаточно.

Она молчит несколько мгновений, прежде чем сказать:

– Долгое время я жалела, что у меня нет сестры. Мой сводный брат замечательный, но есть вещи, о которых брату не расскажешь.

Мои брови сходятся вместе.

– Сводный брат?

– Да. Родители удочерили меня, когда мне было пятнадцать, – туманно отвечает она, прежде чем совсем сменить тему. – Ты всегда применял силовые приемы в хоккее? Не думаю, что кто-то из нас ожидал подобного шоу так рано в сезоне.

Я включаю поворотник и сворачиваю в просвет между деревьями на бегущую между ними проселочную дорогу. Гравий почти успокаивающе хрустит под шинами.

– Мне не нравится драться, как на вчерашней игре. Если мама узнает, то никогда мне этого не забудет. Тренер уже всыпал мне за риск в самом начале сезона, но это ничто по сравнению с яростью мамы.

– Тогда зачем это делать?

Вопрос справедливый, но я все равно напрягаюсь.

– Я собирался только толкнуть парня за атаку на Брейдена, но козел много болтал. В частности, о моей сестре. – Ава резко втягивает воздух. Я смеюсь. – Да. Похоже, они провели расследование перед игрой. Точно знали, как меня спровоцировать.

– Боже, какая сволочь!

Мои глаза расширяются от ее гнева. Я съезжаю на обочину гравийной дороги и ставлю пикап на ручник. Ава не встречается со мной взглядом, когда до нее доходит. Она слишком занята выглядыванием в окно, ее любопытство берет верх.

– Они задели мое уязвимое место, и я не сумел это скрыть, – признаю я.

Она снова поворачивается ко мне, приподняв уголок губ.

– По крайней мере, команда выиграла. Оставила последнее слово за собой, так сказать.

Я ухмыляюсь.

– Да, не уверен, что смог бы показаться на глаза, если бы мы проиграли.

– Все не настолько плохо.

– Не пытайся меня утешать, Ава. Настолько.

Ее слабая улыбка становится шире, отчего в уголках глаз появляются морщинки.

– Хорошо. Это абсолютно уничтожило бы твой имидж.

Несерьезно покачав головой, я беру с заднего сиденья сложенное там толстое шерстяное одеяло. На улице не холодно, но ветер пронзительный.

Я кладу одеяло себе на колени и, взявшись за ее подголовник, киваю на окно:

– Готова?

Ава, прищурившись, смотрит на деревья и темноту за ними, как будто они могут подсказать, безопасно ли входить в их дом или ей следует спасаться бегством. Ее нервозность оправданна. Если она сейчас скажет мне отвезти ее домой, я отвезу, не задавая вопросов. Я не жду, что она уже доверяет мне, но надеюсь, что попробует. Только сегодня вечером.

– Если бы я планировал убить тебя и носить твою кожу в качестве одежды, то не пришел бы смотреть кино со всеми твоими друзьями и не сообщал бы им, что везу тебя куда-то одну. Со мной ты в безопасности. Честное скаутское.

Я салютую ей двумя пальцами.

Она сжимает нижнюю губу между пальцами, прежде чем кивнуть, хоть и нерешительно.

– Тогда показывай дорогу, Бойскаут.

Глава 6

Оукли

Я всегда знал, что рано или поздно я перееду от семьи. Но все равно представление о чем-то и реальность – две разные вещи.

Переезд в Ванкувер всегда был в планах, но я не ожидал, что он так быстро станет реальностью. Мой отец был огромным фанатом «Ванкувер Варриорс». Дома до сих пор одна из подвальных комнат забита его коллекцией свитеров и хоккейной атрибутики с автографами. Я уверен, что с момента его смерти там ничего не трогалось, и думаю, что так будет всегда.

У меня было десять лет, чтобы оплакать его, но я так и не достиг этой точки. Точки, где мне хватит сил войти в эту комнату и оказаться в окружении вещей, которые он любил почти так же сильно, как нас. Я принял его смерть – а как иначе после десяти лет? – но осознаю, что, переступив порог комнаты и упаковывая его вещи, уничтожу последнюю ниточку, связывающую нас с ним.

И хотя я не могу заставить себя войти в ту комнату, я решил сделать все, что в моих силах, чтобы играть за его любимую команду. Оглядываясь назад, я понимаю, что идея нелепая, учитывая, что в профессиональном хоккее ты не решаешь, какая команда тебя выберет, и вообще нет гарантий, что тебя выберут. Но успех у меня в крови. Я не успокоюсь, пока не окажусь там. И хотя я мечтаю играть за «Варриорс», я знаю, что папа выписал бы мне подзащитника, если бы я пожаловался, что меня задрафтовала другая команда.

Мысли давили на меня с самого переезда, и эта поляна в лесу стала своего рода убежищем. Тихое место, где я могу побыть один, слушая только плеск волн о камни пляжа и копошащуюся на деревьях живность.

Я обнаружил это место совершенно случайно, когда бесцельно колесил по дорогам с головой, забитой нежеланными мыслями, но очень рад этому.

Уханье совы где-то в кронах деревьев вытаскивает меня из задумчивости. Задев мое плечо, рядом ерзает Ава, когда опирается на вытянутые за спиной руки и запрокидывает голову к черному небу. Звезды висят гроздьями, больше не скрытые городскими башнями.

– Ты замерзла? – спрашиваю я неожиданно хриплым голосом.

Одеяло мы расстелили, чтобы не промочить штаны из-за мокрой травы, так что на нас только одежда. Не слишком холодно, но я не позволю ей мерзнуть на ветру.

Она поворачивает голову, встречаясь со мной глазами.

– Я в порядке.

– Хорошо.

– Ты замерз?

– Твое беспокойство мне льстит, но я в порядке. У меня достаточно высокая температура тела.

– У меня наоборот. Хотя не могу сказать, что часто ее меряю. По крайней мере, пока не валяюсь при смерти.

Я дергаю бровями.

– Какая ты, когда болеешь? Плаксивая или упрямая?

– Однозначно упрямая. Я признаю, что плохо себя чувствую, только когда заболеваю настолько, что не могу встать с кровати.

– Я так и думал. Ты не похожа на плаксу, – признаю я.

На ее лице мелькает веселье.

– А какой ты, когда болеешь?

Я делаю вид, что задумываюсь.

– Никакой. Я могу пересчитать по пальцам одной руки, сколько раз болел, но я определенно сонный. Пока не пойду на поправку, сплю целыми сутками.

– Так просто? – спрашивает Ава, и я киваю.

Чуть улыбаясь, она возвращает взгляд к небу и вздыхает.

– Я рада, что ты привез меня сюда. Здесь спокойно.

– И отличное место, чтобы проветрить голову.

– Это часто случается? Потребность проветрить голову?

Ее вопрос звучит невинно, но я-то знаю. Она копает, а значит, ей любопытно. Хотя бы чуть-чуть. Но сегодня я не готов открыться и позволить своим тайнам удобрить лесную почву.

Я притягиваю колени к груди и обнимаю их руками. Мы сидим перед маленьким озером, в нескольких футах от каменистого берега. С двух сторон нас окружают пышные деревья, которые словно прячут озеро от посторонних. Мне почти неудобно нарушать их уединение, прежде чем я вспоминаю, что это чертовы деревья, и мысленно даю себе подзатыльник.

– Ты не говорила, что из Ванкувера, – меняю я тему.

Она кивает:

– Мы о многом не говорили той ночью.

– Правда. Кое-кто слишком устал и заснул.

– Я не виновата, что целый час проплакала в ванной у какого-то качка.

Я застываю при напоминании.

– Как ты? – Она в недоумении смотрит на меня. – Я имею в виду расставание.

Она опускает взгляд в землю, отчего я хмурюсь.

– Становится легче.

– Он хоть пытался поговорить с тобой?

– Он не переставал пытаться несколько недель после нашего возвращения домой. Но я думаю, бойкот в течение такого долгого времени слишком ранит мужскую гордость, чтобы продолжать попытки. И слава богу.

– Хорошо. Пошел он. Ты по-прежнему уверена, что не хочешь рассказать мне, кто он?

Ее глаза расширяются, и она поспешно отвечает:

– Да. Очень уверена.

Мою спину лижет подозрение.

– Ты сейчас ведешь себя очень подозрительно, Ава. Но я сегодня добрый, так что пусть будет так.

– Ого, спасибо, – смеется она.

Я вытягиваю ноги и опираюсь на руки, поворачивая голову к ней. Наши глаза встречаются, и я наклоняюсь ближе. Ее дыхание сбивается, и мои вены наполняются искрой успеха.

Я улавливаю аромат ее духов и подавляю стон. Сладкий и пряный. Прямо как она.

– Однако тебе следует знать, что я планирую найти этого парня, – говорю я тише. – И когда найду, прослежу, чтобы он пожалел о том, как поступил с тобой. Ты заслуживаешь лучшего.

– Ла-адно, – выдыхает она, чуть кивая.

Наша близость волнует, но я загоняю эту мысль подальше и усмехаюсь.

– Как твоя задница?

Она округляет глаза и отстраняется со смехом.

– Что?

– Знаешь, от сиденья на земле. Ты мокрая? Из-за травы, конечно.

Я сдерживаю улыбку, изображая невинность.

– Слегка затекла. Но думаю, сухая, – шипит она.

– Хорошо. Мы же не хотим, чтобы ты намочла.

Когда ее щеки краснеют, словно яблочки, я смеюсь и шутливо пихаю ее плечом.

– Ты придурок, – рычит она, пряча лицо в своей толстовке.

Я пожимаю плечом.

– Не-а. Просто хотел узнать твое мнение о моих навыках флирта. Хреновые, да?

– Я бы не сказала. Может, заржавевшие, но не ужасные. Я уверена, что есть масса желающих девушек, которые продали бы конечность за возможность помочь тебе с фразочками и чем пожелаешь. – Она играет бровями.

Я морщусь.

– Везет же мне.

– Тебе не обязательно прикидываться скромным со мной. Ты уже вытащил меня с собой в лес. Самое меньшее, что ты можешь сделать, это быть честным.

Я стискиваю зубы, так что на скулах ходят желваки. Мои внутренности раздражает не гнев. Это разочарование. У Авы совершенно неверное представление обо мне.

– Если бы мне хотелось необременительного секса, я не был бы здесь с тобой. Я принял бы одно из многочисленных предложений, которые получил сегодня, и уже засунул бы свой член в кого-то. Я не думаю членом, Ава.

Она громко сглатывает.

– Ох. Хорошо.

Стараясь расслабиться, я глубоко вздыхаю.

– У меня в жизни происходит слишком многое, чтобы бегать за девушками. Мне нравится твое общество. Понравилось три месяца назад и так же нравится сейчас. Ты не смотришь на меня со значками доллара в глазах. И тебе безразлично мое будущее и то, что я могу тебе дать через несколько лет. Вот почему я здесь с тобой.

Она так напряжена, что я боюсь, она сломается пополам. В животе пузырится чувство вины, намекая, что я, возможно, сказал слишком много. Но когда она поворачивается ко мне всем телом и смотрит в глаза, я понимаю, что мои слова ее не расстроили. На самом деле она выглядит довольной.

– Ладно, извини, что сделала поспешные выводы.

– Секунда честности, – бормочу я.

– Я всегда честна с тобой.

Я улыбаюсь:

– Каким было твое первое впечатление, когда ты увидела меня на той вечеринке?

Она резко втягивает воздух ртом, прежде чем выдохнуть через нос. Короткие ногти с черным лаком барабанят по бедру.

– Мне захотелось развернуться и уйти, – признает она. – Я не знала, кто ты, но... посмотри на себя. Я знала, что ты хоккеист. Мы уже установили мое мнение о них.

– Посмотреть на себя? – дразню я. Она краснеет. – Это был комплимент?

– Ты обратил внимание только на эту часть? – Она качает головой, но я замечаю ее улыбку.

Я не успеваю осознать, что творю, и накрываю ее коленку ладонью. Она застывает под моей рукой, и я быстро отпускаю. Какого хрена, чувак?

– Думаю, тогда можно предположить, что я доказал ошибочность твоих предположений? – натянуто спрашиваю я.

– С чего бы?

– Ты здесь.

Она медленно выдыхает и мягко смотрит на меня.

– Да. Я здесь.

* * *

Уже поздно. Слишком поздно, чтобы подвезти девушку до дома, не вызывая вопросов у ее соседки, но мне плевать. Я ни за что не привез бы Аву домой раньше, чем мы оба обессилели от разговоров. Я очень давно так не наслаждался общением с кем-то.

– Как давно вы с Морган дружите? – спрашиваю я. – Мэттью все время говорит про нее. Он одержим ею.

Я украдкой смотрю на Аву. Она улыбается, ковыряя черный лак на ногтях.

– Около пяти лет. Мы вместе учились в старшей школе. Морган любит его, так что я рада слышать, что это взаимно. Я беспокоилась, когда она рассказала мне о нем в первый раз. Ты уже знаешь, как я отношусь к спортсменам, так что не буду утруждаться объяснениями причин.

Я киваю, включая поворотник и останавливаясь около тротуара перед домом девушек. В гостиной еще горит свет, и я немного расслабляюсь, зная, что Ава не будет дома одна.

Поставив пикап на ручник, я поворачиваюсь к ней. Ава отстегивает ремень безопасности и тоже поворачивается ко мне. Уличные фонари слабо освещают ее лицо, смягчая напряженное выражение.

Она прикусывает нижнюю губу, и к моему члену приливает кровь. Я чуть не вырываю руль. Черт. Нехорошо.

– Морган, наверное, ждет тебя, – выпаливаю я, отрывая от нее глаза и с силой зажмуривая их.

У меня возникает невыносимое желание скривиться, но я каким-то образом игнорирую его. Я оказался полным козлом, но не собираюсь допустить появление стояка в штанах из-за девушки. Это определенно не по-дружески.

– Да. Ты прав. – Ее голос леденеет. – Спасибо за вечер.

Она открывает дверь и спрыгивает с подножки, когда я говорю:

– Мне было очень весело, Ава. Увидимся.

В ответ она лишь чуть-чуть приподнимает уголок губ, но я все равно впитываю эту улыбку.

– Увидимся, Бойскаут, – говорит она и уходит.

Глава 7

Оукли

Я резко просыпаюсь, в висках колотится пульс, а лоб покрыт испариной. За дверью моей спальни что-то гремит, сообщая о том, что один из моих соседей уже встал и возится на нашей маленькой общей кухне.

Готовясь к переезду в Ванкувер, я встретился с главным тренером «Сэйнтс», чтобы обсудить последние детали, и он упомянул, что пара игроков ищут соседа. Я, не раздумывая, связался с моими сокомандниками и попросился к ним, учитывая, что жизнь на зарплату игрока юношеской хоккейной лиги не обеспечивала толстого кошелька и много вариантов. После короткой встречи с Мэттом и Брейденом у нас сложился почти идеальный союз.

Единственный минус жизни с ними – это Брейден и его одержимость присунуть кому-нибудь.

Несколько ругательств отражаются от двери моей спальни, вызывая в горле хриплый смех.

Прищурившись, я провожу ладонью по лицу и сажусь. В щель между шторами проникает солнечный свет, так что я, должно быть, хорошо поспал. На часах на тумбочке девять пятнадцать. У меня есть час до тренировки в спортзале.

С полужакрытыми глазами я вылезаю из кровати и натягиваю спортивки, прежде чем выйти из комнаты. Как я и думал, Брейден в одних трусах пытается намазать маслом вафлю. Сидящую на столешнице голую девушку я замечаю, только когда подхожу к холодильнику.

Не глядя на них, я открываю дверцу и беру кувшин с апельсиновым соком.

– Твой сосед Оукли Хаттон? – тихо спрашивает девушка.

Брейден стонет.

– Это важно? И не бей меня, – ворчит он.

Отвернувшись от холодильника, я передвигаюсь к шкафчику, чтобы достать стакан, и говорю:

– Брейден, я думал, мы договорились, что ты не разрешаешь своим дамам гарцевать по квартире голышом.

Налив себе сока, я поворачиваюсь лицом к обоим. Брейден упирается бедром в столешницу, улыбаясь, как наевшийся сметаны кот, а его подруга по-прежнему развалилась на столешнице, ее щеки разругались, но не от смущения. Она кажется слишком уверенной в себе, чтобы понимать, что сидеть голой задницей на чьей-то столешнице больше отталкивающе, чем сексуально.

Я перевожу глаза на нее, быстро окинув взглядом ее наготу. Она мурлычет и опирается на руки позади себя, выпятив грудь.

– Мне спуститься? – спрашивает она, склонив голову набок и улыбаясь.

Я поднимаю бровь и подношу стакан с соком к губам, медленно отпивая. Ее веки тяжелеют, когда взгляд падает на мое горло, следя за движением кадыка с каждым глотком. Если бы не жидкость во рту, я бы рассмеялся тому, как легко мне ее возбудить, учитывая, что она только что была в постели с другим парнем.

– Я бы предпочел, чтобы ты слезла, да. Но оставлю моему соседу говорить тебе, что делать, – отвечаю я.

Поставив пустой стакан в раковину, я бросаю на Брейдена раздраженный взгляд.

– Простите, мне надо собираться в спортзал, как и тебе.

Я почти сбегаю в ванную – так тороплюсь свалить оттуда. Закрыв дверь ванной, я проверяю, что она заперта, прежде чем снять штаны и встать под душ. Команда встречается на катке для утренней тренировки, и, если я или Брейден опоздаем, не сомневаюсь, Мэтт надерет нам задницы.

Он, может, и не капитан, но отличный лидер. Этого не скажешь по его обычно спокойному поведению, но, когда дело касается хоккея, он может быть по-настоящему жестким.

Я наклоняюсь над раковиной и смотрю в зеркало, почесывая щетину на челюсти. В последнее время мне было лень бриться, я был слишком занят тем, что рвал задницу на льду.

Когда я впервые приехал в Ванкувер, я не был полностью уверен, чего ожидать от «Сэйнтс», но мне потребовалась всего одна тренировка, чтобы лично убедиться, насколько они хороши. Может, и не самая лучшая юношеская команда, которую я видел, но очень близко. Если я собираюсь получить шанс выделиться перед скаутами, мне придется продолжать работать. Упорно.

Покачивая головой, я поворачиваюсь и шагаю в ванную, позволяя горячей воде выжечь мысли. Я принимаю душ и быстро чищу зубы. Едва я возвращаюсь в комнату, как с кровати раздается рингтон, установленный на звонок мамы. Ее ласковый голос льется из динамиков еще до того, как я подношу телефон к уху.

– Доброе утро, милый, – поет она. Я улыбаюсь. – Как твои дела? Ты по-прежнему собираешься домой на следующие выходные, верно?

Как у нее получается быть такой энергичной по утрам, выше моего понимания. Полагаю, это мамская фишка.

– Доброе утро, ма. У меня все хорошо. Немного устал, но ничего нового. И да, я приеду. Грейси в восторге?

Грейси с семи лет занимается балетом, и впереди одно из ее крупнейших выступлений. Во время наших телефонных разговоров в последний месяц я только о нем и слышу. Я бы не пропустил его. Иначе она никогда мне этого не забудет.

– Ты никогда не был жаворонком, – дразнит мама, а меня накрывает сильная тоска. Я скучаю по ней. – Не думаю, что можно быть в большем восторге. Твое присутствие очень много значит для нее, милый.

Я зажимаю телефон между ухом и плечом и надеваю шорты и футболку.

Одевшись, я хватаю спортивную сумку и спешу на выход, приятно удивившись тому, что Брейден в одиночестве сидит на диване и ждет меня.

– Я ни за что не пропущу это, ма, – говорю я. Брейден смотрит на меня, потом показывает на дверь. – Я буду дома в субботу утром.

Брейден встает и берет свою сумку с пола рядом с диваном, после чего выходит. Я выхожу следом и запираю дверь.

– Хорошо, милый. Я просто хотела убедиться.

– Я рад. Я скучаю по вам.

Мама тяжело вздыхает и после короткой паузы шепчет:

– Я скучаю по тебе, Оукли. Очень сильно.

– Не плачь, мам. Я скоро приеду, – говорю я, убирая ключ в карман.

Я практически вижу, как она ведет рукой в воздухе, отмахиваясь от моей заботливости.

– Да, да. Ну, отпускаю тебя. Позвони сестре на неделе, пожалуйста.

– Позвоню. Поговорим позже. Люблю тебя.

– И я тебя люблю.

Я спускаюсь, перескакивая через ступеньку, толкаю двери подъезда и выхожу на улицу. Брейден уже ждет меня около моего пикапа, его большие пальцы летают по экрану телефона. Когда я обхожу машину и открываю водительскую дверь, он поднимает глаза:

– Ты за рулем. Моя машина в мастерской.

Кивнув, я быстро сажусь в пикап и, протянув руку, поднимаю замок пассажирской двери. Через секунду Брейден присоединяется ко мне. Он огромный парень – даже по сравнению со мной, – так что я не удивляюсь, когда ему приходится отодвинуть кресло назад до упора, чтобы не упираться ногами в приборную панель.

– Все в порядке? – спрашивает он, когда я завожу двигатель и выруливаю на улицу.

От дома до катка всего десять минут, так что мы вполне можем успеть вовремя.

– Да. Я собираюсь домой на следующие выходные. Мама просто проверяла.

– Уже устал от нас?

– От тебя? Несомненно.

Он ржет.

– Зато честно. Кстати, я правда пытался выпроводить Ванессу, пока ты не проснулся, но она сказала, что умирает с голоду, а я не настолько козел, чтобы выгнать ее с пустым желудком.

Я закатываю глаза:

– Точно. Ты большой добряк. Уверен, ее обнаженность и надежда на быстрый перепахон перед тренировкой тут ни при чем.

– Определенно, – отвечает он, широко улыбаясь.

– Кстати, где ты ее встретил? Я даже не слышал вчера ночью, как вы пришли.

– На вечеринке у Ремера. Хотя понятия не имею, как мы вернулись в квартиру.

– Ты же не садишься за руль, да?

Мои мышцы под одеждой напрягаются. Меня охватывает паника.

– Черт, нет, – ворчит он, с любопытством глядя на меня. – Я озабоченный, а не глупый.

Я слегка расслабляюсь и киваю.

– Ладно. Хорошо.

– И я предохранялся, если вдруг тебе это интересно, папочка.

– Пошел ты.

Его нахальный смех сотрясает воздух. Покачивая головой, я включаю радио и оставшуюся дорогу мы проводим в уютном молчании.

Глава 8

Оукли

– Наконец-то, бро. Я уж подумал, что ты меня кинул. Поторопись, меня надо подстраховать! – кричит Мэтт, как только я захожу в полный спортзал.

На дальней стене нарисована эмблема «Сэйнтс», вокруг которой висят рамки с фотографиями всех команд-чемпионов. Внутри разрастается голод, когда я представляю там и фото нашей команды.

– Чувак, здесь еще четыре человека, которые могут тебя подстраховать. Не приставай, – говорит Брейден, проходя мимо меня.

Он бросает свою сумку у ближайшей стены, не утруждаясь убрать ее в шкафчик.

Я следую его примеру, но не забываю достать из бокового кармана бутылку с водой. Заведя руку за голову, я стягиваю футболку и бросаю ее поверх своей сумки, после чего ставлю бутылку на пол и присоединяюсь к Мэтту у скамьи для жима.

На грифе его штанги с каждой стороны по блину в семьдесят фунтов. Я подставляю руки под него и говорю:

– Тогда давай. Посмотрим, сколько повторов ты сделаешь.

Парень широко улыбается и приступает к делу. Он делает тринадцать повторений, прежде чем я замечаю, что его руки устают, и забираю у него штангу, укладывая ее на стойку над ним.

– Неплохо, – замечает Брейден.

Он прыгает через скакалку в темпе, от которого я вздрагиваю. Боксерский опыт делает из него крутого богатыря, что уж говорить о хоккее.

Мэтт хмурится и садится, вытирая подолом футболки пот со лба.

– Ты сделал растяжку перед этим дерьмом? – спрашивает он.

Брейден закатывает глаза.

– Что с вами случилось в последнее время, что вы так обо мне беспокоитесь?

– Прими это как комплимент, говнюк, – бросаю я.

В глубине зала раздается резкий смех, и к нам от беговых дорожек вальяжно идут мокрые от пота Тайлер и Адам, оба тяжело дышат.

– Что смешного? – спрашивает Мэтт.

Тайлер бросает на Адама раздраженный взгляд.

– Этот урод думает, что у него есть шансы забить больше меня в следующей игре.

Я выгибаю бровь. Брейден хмыкает.

– Ни за что.

– Да ладно, чел. Что за недоверие? – Адам упирает руки в бока.

– Если ты так уверен, что выиграешь, – начинает Брейден с ухмылкой, – зачем ждать среды? Мы запросто можем решить это на льду после тренировки.

Тайлер пожимает плечами:

– Меня устраивает. Я не боюсь.

– Я тоже, – твердо говорит Адам.

– Так и сделаем. – Мэтт хлопает ладонями по бедрам. – Но никто не уходит из зала, пока не закончит тренировку. Так что за дело.

– Есть, капитан, – фыркает Брейден. Он закидывает скакалку на крючок и подходит к скамье, которую занимает Мэтт. – Вставай. Я покажу, как это на самом деле делается.

В глазах Мэтта загорается вызов, и он с беззаботной улыбкой встает со скамьи.

– Она вся твоя.

Брейден снимает с грифа оба блина и заменяет их. Меня не должно удивлять, что он может так уверенно выжимать сто восемьдесят фунтов, но удивляет. Парень, пожалуй, мог бы вывести меня из игры, выпади такой случай.

– Ты оборзевший говнюк, – бурчит Мэтт, скрестив руки на груди. – Жду не дождусь отбить все твои броски после этого.

Я хлопаю его по плечу:

– Все в порядке, Мэтти. Парень просто великан.

– И не говори, – ворчит Тайлер.

В груди растекается тепло, пока я наблюдаю эту демонстрацию эго. Эти парни смешные, но, думаю, такими они мне и нравятся.

* * *

Зашнуровав коньки и быстро замотав клюшку, я первым выхожу на лед. На мне тренировочный свитер «Варриорс». Все, кроме Мэтта, не стали надевать громоздкую экипировку, обещая играть чисто, и я могу только надеяться, что так и будет. Нам никогда не забудут, если кто-то из нас получит травму во время детской игры.

Я надеваю левую перчатку и перехватываю клюшку поудобнее, несколько раз ударив ею по льду.

Следующим на площадку выходит Тайлер, уверенно и элегантно скользя по льду. Он кивком приглашает меня присоединиться, и мы успеваем сделать круг, прежде чем к нам на секунду подъезжают Адам и Брейден.

Ухмыльнувшись, я разворачиваюсь лицом к двум отстающим и, не снижая скорости, качусь спиной вперед. Я изображаю зевок, и Брейден закатывает глаза.

– Заканчивай, плясун, – говорит он, после чего ускоряется и пристраивается слева от меня. Разворачивается быстрым движением и тоже едет спиной.

Скоро мы вчетвером с сосредоточенными лицами катимся задом наперед, пытаясь обогнать друг друга.

– Дамочки, если вы закончили, я готов! – кричит Мэтт с дальнего конца площадки.

Он опирается на ворота, подняв шлем.

На центральной линии ждет кучка шайб. Адам останавливается первым и клюшкой подвигает к себе одну. Он несколько раз гоняет ее туда-сюда, прежде чем повернуться к Тайлеру.

– Кто первый?

Тайлер поднимает клюшку и показывает на Адама и Мэтта.

– Вперед, красавчик.

Адаму не надо повторять дважды, он собирается и стартует в сторону Мэтта. Он несколько раз пропускает шайбу между ног, выпендриваясь, но выбирает простой кистевой бросок. Шайба попадает в плечо Мэтта, после чего с громким звоном ударяется о стойку ворот.

– Бу-у! Неудачник! – орет Брейден.

Широко улыбаясь, Адам останавливается рядом со мной. Он лишь пожимает плечами и кивает Тайлеру.

– Я просто разминался.

Защитник фыркает и, буркнув «как же», выбирает шайбу и едет навстречу Мэтту.

Тайлер не использует особенных приемов; он просто останавливается на синей линии и, размахнувшись, делает шелчок, от одного звука которого я морщусь. Шайба скользит по воздуху над правым плечом Мэтта и попадает в сетку.

– Есть! – кричу я и бью клюшкой по льду, изображая звук аплодисментов, пока Тайлер объезжает ворота, подняв свою вверх.

– Эй! – говорит Адам. – Не выбирай сторону. Я обижусь.

Я усмехаюсь.

– Мой косяк.

С новым выражением решимости Адам выбирает из кучи следующую шайбу и во второй раз несется в сторону Мэтта. Мэтт чуть выезжает за свою линию, не спуская глаз с приближающихся Адама и шайбы.

Адам замедляется и начинает играть с шайбой, как мелкий гаденыш, гоняя ее туда-сюда перед собой. Рядом со мной смеется Брейден, и я, не задумываясь, присоединяюсь. Стоит Мэтту покачать головой, как Адам бьет. Шайба проскакивает между ног Мэтта прямо в сетку.

Счет становится один – один, и парни продолжают бить по очереди, каждый раз забивая, пока Тайлер не промахивается два раза подряд в отличие от Адама.

Тайлер сильно хмурится, когда доезжает до нас с Брейденом, но мне нравится думать, что я узнал его достаточно хорошо, чтобы понимать: на самом деле он не так уж сильно расстраивается из-за проигрыша.

Брейден без колебаний подкалывает его:

– Может, мне нужен новый напарник, Тай?

– Тебе нужен работающий мозг и эго поменьше, – отвечает Тайлер.

– Ух, как подгорает, – тихо ржет Адам, присоединяясь к нам.

Его улыбка такая широкая, что я удивляюсь, как у него не треснули щеки.

К нам подъезжает Мэтт и поднимает шлем с лица. Он смотрит на Тайлера.

– Неплохо. Ты по-прежнему слишком предпочитаешь бросок обратной стороной клюшки.

– В принципе, это неплохо, – говорю я. – Я знаю, что использую слишком много кистевых бросков. Это вопрос комфорта. Ты знаешь наши привычки только потому, что тренируешься с нами почти каждый день. Другие вратари могут знать наши предпочтения, но предсказать бросок каждый раз невозможно.

– Тоже верно, – кивает Мэтт.

Тай благодарно смотрит на меня, и я пожимаю плечами. Уверенность игрока – самое главное. Последнее, что нам нужно, это рисковать ею из-за безобидного соревнования.

– Как насчет быстрой игры два на два? Чур я в команде с Оукли, – говорит Брейден, глядя на меня.

Я согласно улыбаюсь, и у меня появляется идея.

– Ладно, я согласен, но хочу кое-что, если мы выиграем, – говорю я.

– Когда мы выиграем, – поправляет меня Брейден.

Мэтт смеется.

– Хорошо, важная шишка. Что ты хочешь в случае победы?

– Я хочу, чтобы вы больше рассказали мне про Аву.

Адам резко втягивает воздух, но я не обращаю на него внимания, не спуская глаз с вратаря, который теперь хмуро смотрит на меня.

– Есть причина, почему ты хочешь такой приз? – напряженно спрашивает он.

Я уже знаю, что он оберегает Аву, поскольку она лучшая подруга его девушки, так что это ожидаемо.

– Назови меня любопытным, – отвечаю я, стараясь не выдать слишком много.

Откровенно говоря, у меня нет стремления получить о ней больше информации. Я просто хочу узнать ее.

– Бро, ты мог просто спросить меня. Я бы и так рассказал тебе все, что знаю, – смеется Брейден.

– И это была бы пустая трата времени, учитывая, что ты не знаешь ничего, – язвит Тайлер. Брейден говорит что-то в свою защиту, но я больше не слушаю. Я слишком сосредоточен на резком взгляде Мэтта, который практически пытается пробурить глазами дыру в моей голове и самому получить все ответы, которые хочет.

– Хорошо, – говорит он через секунду и отводит взгляд. – Три вопроса. И все.

– Идет, – киваю я.

Мы быстро убираем лишние шайбы, оставляя одну за центральной линией. Адам и Тайлер перемещаются на точки вбрасывания с двух сторон от ворот, а мы с Брейденом готовимся атаковать.

Мэтт кричит начинать, и я цепляю шайбу, после чего стартую. Тайлер бросается ко мне, а Адам – к Брейдену. Я не могу сдерживать смех, видя, как мрачнеет Тайлер, когда я отдаю пас Брейдену и, резко развернувшись, ухожу от него.

Шайба ударяется о клюшку Брейдена, он отталкивает Адама с дороги и сокращает расстояние между нами и Мэттом. Как только мы достигаем синей линии, Брейден отдает шайбу мне, и я, развернувшись, отправляю ее под перекладину.

– Да! – кричит Брейден.

Он подкатывается ко мне и хлопает по спине.

Мэтт вытаскивает шайбу из сетки и передает ее Тайлеру. Мы меняемся и начинаем снова, на этот раз мы с Брейденом играем в защите.

Я не удивляюсь, когда Адам забивает. Он невероятно меткий, особенно под давлением. Я еще меньше удивляюсь, когда каждая сторона продолжает забивать, пока наконец Адам не промахивается и отдает победу нам.

Только когда мы возвращаемся в раздевалку и я заканчиваю расшнуровывать коньки, Мэтт плюхается рядом.

– Три вопроса.

– Здесь?

Я настороженно смотрю на Адама, сидящего на скамье напротив нас.

Мэтт издает хриплый горловой звук.

– Не обращай на него внимания. Он полностью во френдзоне.

Я понижаю голос:

– Точно? Потому что парень смотрит на нее с чертовыми сердечками в глазах.

– Это один из твоих вопросов?

– Да. Конечно.

Он смеется, но имеет совесть понизить голос, когда говорит:

– Постоянный статус лучшего друга. Думаю, она даже не знает, что нравится ему.

Я пытаюсь не выдать, как это меня успокаивает. Не должно. Если она хочет встречаться с Адамом, то вольна это делать.

– Кто ее бывший?

– Хоккеист.

Я тяжело вздыхаю:

– Не очень хорошо. Кто-то из команды?

Мэтт многозначительно смотрит на меня:

– Последний вопрос. Уверен, что хочешь потратить его на это?

– Да, черт. Пофиг. Просто скажи.

– Дэвид Ремер. Запасной правый нападающий.

Я медленно моргаю, а потом кривлюсь:

– Парень, который на тренировке хвастался, что после последней игры получил отсос за катком.

– Он самый.

- Похоже, он любит, когда его член сосут, – ворчу я.
- Ты в курсе? – спрашивает Мэтт, округлив глаза.
- Да. Длинная история.
- Все равно. Рассказывай.
- Я щелкаю пальцами, под кожей гудят нервы.
- Помнишь вечеринку, на которой Ремер ей изменил? Да, это была моя прощальная вечеринка перед переездом сюда. В тот вечер я встретил Аву на заднем дворе.
- Мэтт издает странный звук.
- Да ладно.
- Брейден падает на скамью с другой стороны от меня и вопросительно смотрит.
- Вы говорите о Ремере? Я узнаю это выражение лица где угодно. – Когда я киваю, он смотрит на Тайлера. – Видишь, я кое-что знаю.
- Все знают про Ремера, говнюк, – ворчит Тайлер.
- Иди убейся об стену, Тай, – сварливо отвечает Брейден.
- Только после тебя.
- Внезапно Адам встает и закидывает свою сумку на плечо.
- Я пойду.
- Хорошо. Увидимся завтра на тренировке, – кивает Мэтт.
- Не надо быть гением, чтобы понять, почему он так резко уходит. Но все просто прощаются без лишних комментариев. Мы любим подкалывать друг друга, но не полные козлы.
- Мы вчетвером обмениваемся взглядами, которые говорят, что мы думаем одно и то же.
- По дороге к выходу никто больше не говорит ни слова.

Глава 9

Ава

Я издаю что-то среднее между шипением и рычанием и пристегиваю ремень безопасности. Морган вздыхает, как будто мое сопротивление несколько минут назад отняло у нее пять лет жизни.

– Поверить не могу, что мне пришлось буквально вытаскивать тебя из дома, – ворчит она, заводя машину.

Ее длинные светлые волосы разделены на прямой пробор и заплетены в две идеальные косы. Она перекидывает одну через плечо и возится с тачскрином на приборной панели, пока из колонок не льется песня кантри.

Я затягиваю свой хвостик и бросаю на нее косой взгляд.

– Тебе не пришлось бы, если бы ты просто оставила меня в покое.

На моем столе скопилась куча заданий, стопка из которых готова рухнуть в любой момент, и очень мало времени на их выполнение. Сопровождение Морган, чтобы забрать ее парня с катка, не входит в список моих приоритетов.

К сожалению, лучшая подруга не разделяет моей сосредоточенности на учебе, что в свою очередь мешает ее способности понимать мою мотивацию.

– Тебе нужен перерыв.

– У меня все было прекрасно.

– Ты сегодня ела? – спрашивает она, выехав на дорогу.

Я закатываю глаза:

– Да, мамочка. Я как раз прикончила банку арахисового масла, когда ты вломилась в мою комнату.

Она морщит нос:

– И это все?

– В нем были кусочки арахиса.

– Как будто это большая разница. – Она цокает языком. – По крайней мере ты съела хоть что-то. Больше не буду тебя пилить по этому поводу.

Я киваю и благодарно улыбаюсь. У Морган доброе сердце, всегда было. Она настоящая мама-медведица.

К счастью, она действительно закрывает эту тему и просто тихонько подпевает музыке всю оставшуюся дорогу. К тому времени, как мы подъезжаем к арене, мои веки тяжелеют, и мне внезапно становится очень горько, что я не умею спать в машине. Сон – пусть и недолгий – сотворил бы со мной чудо.

Морган паркует свой огромный «Джип Гладиатор» рядом со знакомым пикапом, принадлежащим новому игроку «Сэйнтс». Я поворачиваюсь на сиденье, сердито глядя на мою будущую бывшую подругу.

– Ты не можешь удержаться, не так ли?

Она отстегивает ремень безопасности и улыбается, совершенно не впечатлившись моими словами.

– Не-а. А теперь вылезай. Невежливо не поздороваться.

Я смотрю, как она выходит из машины и скрывается из вида, но не делаю ни малейшего усилия, чтобы выйти. В горле застревает вопль, когда дверь с моей стороны распаивается и меня за руку выволакивают из машины.

Восстановив равновесие, я ахаю:

– Ты абсолютно сумасшедшая.

Морган смеется.

– А ты упрямая. Я не прошу тебя встать на колени и поклониться парню. Просто позовайся.

Я упираюсь пятками в землю, но любовь Морган к спортзалу не оставляет мне шансов, когда дело доходит до грубой силы. Впившись в мою кожу зелеными когтями, которые она называет ногтями, Морган тянет меня достаточно сильно, что я, спотыкаясь, вываливаюсь из-под прикрытия пикапа Оукли на открытое место. Из моего рта сыпятся колоритные ругательства, когда в нескольких ярдах от нас я вижу двоих парней. Их взгляды направлены на нас с Морган.

– Привет! – кричит она.

Выдав улыбку, я поднимаю руку и слегка машу. Я сглатываю, когда парни идут в нашу сторону. Мэтт спешит к Морган, но я не вижу, что происходит дальше. Ведь мои глаза попадают в ловушку взгляда Оукли, полного тепла.

Как и каждый раз, когда я его вижу, парень излучает уверенность в себе. Не подавляющую других, а такую, которая будит любопытство и вызывает желание стать ближе и больше узнать о том, откуда именно берется эта уверенность. В настоящее время я не знаю, что хуже.

Когда он улыбается, на щеках появляются ямочки, и мой живот напрягается в ответ. Ох, он горяч.

Я испытываю облегчение, когда слышу Мэтта. Его голос пробивается сквозь нечто, зарождавшееся между мной и его новым другом, прежде чем мои соски затвердеют достаточно, чтобы проткнуть футболку.

– Наконец-то, детка. Я беспокоился, что ты потерялась.

– Мы приехали бы быстрее, если бы не эта мисс «Я-не-выйду-из-дома», – отвечает Морган.

Осознавая, что Оукли по-прежнему не сводит с меня глаз, я поворачиваюсь к Морган и говорю:

– Или ты могла просто уехать без меня.

– Только не говори, что не хотела меня видеть, – рокошет Оукли.

– Оу, Бойскаут. Ты счастлив, что я здесь? – спрашиваю я, не успев остановиться.

– Бойскаут? – спрашивает Мэтт.

Оукли не обращает на него внимания, перехватывая мой взгляд.

– Да, счастлив.

От его честности у меня сбивается дыхание.

– Ох.

Ох? Я серьезно?

– Как мило, – замечает Морган.

Мэтт фыркает от смеха. Оукли пригвозждает его суровым взглядом.

– Эй, Мэтт? – Мэтт прекращает смеяться. – Иди домой.

– Чертовски грубо, Оукли. Я думал, между нами что-то хорошее, – ахает Мэтт.

Морган тяжело вздыхает от театральности своего парня.

– Господи, Мэттью. Идем. По дороге заедем в твой любимый магазинчик с замороженным йогуртом.

– А что насчет тебя? Тебе нравится замороженный йогурт? – спрашивает Оукли.

Я перевожу взгляд на него, с удивлением замечая, что его пронизательные зеленые глаза наблюдают за мной.

– Мне? – переспрашиваю я, как будто он обращался к кому-то другому.

Хочется поморщиться от того, как глупо я себя веду. Как будто никогда раньше не разговаривала с парнем.

– Да, – посмеивается Оукли.

– Не так сильно, как мороженое. По замороженному йогурту больше Морган с Мэттом, – честно отвечаю я.

Морган клянется, что на вкус они одинаковы, но я уверена: это ложь, которую она говорит себе, чтобы меньше грустить от того, что упускает оригинал.

– Тогда позволь угостить тебя мороженым?

– Сейчас? – спрашиваю я тихим, тоненьким голоском.

– Если хочешь, – кивает он и поясняет: – По-дружески, конечно.

– О, она хочет, – влезает Морган.

Стерва.

Держа руки в задних карманах темных потертых джинсов, Оукли широкими шагами поглощает расстояние между нами. Он останавливается совсем рядом, достаточно близко, чтобы видеть, как я покраснела, но достаточно далеко, чтобы я с трудом улавливала аромат его геля для душа.

Внезапно мне хочется, чтобы он был ближе.

Я осознаю, что Мэтт с Морган стоят всего в нескольких шагах от нас, но они словно отошли на задний план. Я растягиваю губы в слабой улыбке, которой, надеюсь, достаточно, чтобы убедить его, что мне нравится эта идея.

– Думаю, я бы хотела.

Его улыбка ослепляет.

– Идем.

* * *

– Скажу честно, я переживал, что ты окажешься любительницей простого ванильного мороженого, – шутит Оукли, сидя напротив меня за маленьким столиком в клеточку.

В кафе относительно тихо, только мы и еще одна пожилая пара наслаждаемся лакомством внутри, вместо того чтобы сидеть на улице. Я никогда здесь не бывала, но в поиске «Гугл карт» это кафе-мороженое выскочило первым.

Я погружаю красную пластмассовую ложку в бумажный стаканчик и набираю мороженое со вкусом клубничного чизкейка. С молчаливым вызовом смотрю Оукли в глаза и подношу ложку к своим липким губам.

– Что, если бы оказалась? Ты бы развернулся и ушел?

Его глаза вспыхивают, зависая на моих губах. Он выглядит соблазнительно, и на короткий миг я запинаюсь, прежде чем беру себя в руки. Сомнения – заноза в моем боку. Сомнения в том, что он вообще может смотреть на меня так.

– Черт, нет. Просто предложил бы тебе попробовать что-нибудь другое. Может, умолял бы, если надо, – заявляет он голосом, который звучит слишком неприлично для просто друзей.

Мои мышцы напрягаются, и я, кажется, не могу заставить себя затолкнуть ложку в рот. Я резко втягиваю воздух и вздрагиваю, когда холодная капля растаявшего мороженого падает на мое голое бедро. Стоит моим губам разомкнуться, как я просовываю ложку между ними и облизываю губы от липких остатков.

На мгновение у Оукли такой вид, будто его пытаются, но он переключает внимание на что-то у меня за спиной, и выражение его лица становится гневным.

– Что такое – спрашиваю я, прежде чем развернуться на стуле и посмотреть за плечо.

В ту же секунду мое сердце болезненно сжимается, а в животе затягивается узел. Я резко разворачиваюсь обратно и стараюсь игнорировать, как любопытный взгляд Оукли ищет мой, вперившийся в пустой столик позади него.

– Хаттон? Привет, чувак, – раздается за спиной чрезмерно дружелюбное приветствие, и я напряженно застываю.

Над нашим столом сгущаются тени благодаря человеку, который нависает над нами, как грозная туча, которую никак не унесет ветром. Моя немедленная реакция – двинуть ему по члену, поскольку его пах на идеальном расстоянии для удара, но вместо этого я преувеличенно улыбаюсь и поворачиваюсь к своему бывшему парню. Убей его вежливостью, Ава. Мама гордилась бы мной.

Оукли прочищает горло.

– Ремер.

Дэвид выглядит совсем как в нашу первую встречу в старшей школе, за исключением прыщей на лбу и лохматых светлых волос, которые он постриг за неделю до начала занятий в университете. Его глаза пронзительного льдисто-голубого цвета, который я боготворила, а нос слишком прямой. Он по-прежнему несет на своих плечах серьезный груз проблем с отцом как знак почета и верит, что его поступки не имеют последствий.

Все это объясняет, почему он оправдывал свою измену мне тем, что просто экспериментировал, как будто это достаточная причина. «Как я узнаю, хочу ли лобстера, если не пробовал краба?» – сказал он в свою защиту. И это стало последней каплей.

Я не стала игнорировать орущий в голове сигнал тревоги после его поступка, и мы не общались с тех пор, как я оставила его под дверью нашего гостиничного номера в Пентиктоне. Я не испытывала сожалений, глядя, как он уходит через десять минут после того, как я захлопнула дверь у него перед носом, только боль в груди, пока задавалась вопросом, почему я недостаточно хороша.

Ужасно чувствовать себя брошенной, как будто ты никогда не была по-настоящему важна. Это было самым худшим во всей той ситуации. И до сих пор причиняет боль, когда я думаю о годах, которые мы провели вместе.

Меня одолевало ужасное чувство дежавю. Я была не девятнадцатилетней женщиной, которая смотрит вслед своему уходящему парню, а маленькой девочкой, которая стоит в комнате органов опеки и спрашивает себя, почему еще одна потенциальная семья решила не удочерять ее.

Я расправляю плечи, когда Дэвид наконец смотрит на меня, и его улыбка тает, а фасад крошится по краям.

– Октавия, – напряженно и мучительно произносит он.

Продолжая улыбаться, я молчу и выпрямляюсь на стуле, успешно игнорируя его. Губы Оукли кривятся от смеха.

– Слышал о вашей утренней разминке. В следующий раз позовите меня. Я с удовольствием присоединился бы.

Дэвид чуть ли не светится, глядя на нового товарища по команде. Он никогда не умел улавливать настроение окружающих, но сегодня просто пробил дно.

– Не думаю, – отвечает Оукли и сует в рот ложку с мороженым.

Это резкое заявление так неожиданно, что я не успеваю сдержать смех. Я зажимаю рот ладонью, но слишком поздно. Ущерб уже нанесен.

– Почему ты смеешься? – спрашивает меня Дэвид, его голубые глаза больше не ледяные, а, наоборот, горят огнем. Я делаю непроницаемое лицо, отказываясь выдавать, как он и его враждебность влияют на меня. – Никогда не считал тебя хоккейной зайкой, но явно ошибался. Хотя хоккейный член – лучший член. Так что я не удивлен.

Я морщусь. Больно.

– Ты говоришь по собственному опыту? Получаешь много хоккейных членов, Ремер? – обвиняет Оукли, его глаза превращаются в две злые щелки.

– Черт, нет! Я совсем не это имел в виду, – защищается Дэвид.

Оукли хмыкает и показывает рукой на дверь.

– Тогда, если не возражаешь, ты прервал наш разговор.

– Ох, да. Ладно. Извини, чел, – блеет Дэвид.

Это пот у него между бровей?

Явно не желая подвергаться дальнейшему позору, мой бывший парень разворачивается на пятках и уходит, оставляя за собой звон дверного колокольчика.

Поддержка Оукли вызывает в груди теплое чувство, и я смотрю на него.

– Спасибо тебе.

Он пихает мою ступню под столом и сверкает белыми зубами в улыбке, от которой можно упасть в обморок.

– Всегда пожалуйста, Ава.

Глава 10

Оукли

Раздевалка «Сэйнтс» гудит.

Это первая в сезоне игра с «Келоуна Вулфс», и, хотя я никогда с ними не играл, всем известно: они наш главный соперник – что делает эту игру одной из важнейших в сезоне.

Мне надо показать нашей команде и команде противника, что я играю лучше, чем они думают. То, что я не капитан этой команды – пока, – не значит, что я не должен играть на пределе возможного. Я лучше играю под давлением, и сегодня в нем нет недостатка.

Когда я заканчиваю надевать экипировку и завязываю последний узел на коньках, заходит тренер и требует всеобщего внимания. Мы толпимся вокруг него, сталкиваясь плечевыми щитками, наше тяжелое дыхание смешивается. Сейчас нервозность в помещении можно почувствовать на вкус.

Тренер Гаррисон – крупный мужчина, вероятно, самый крупный в помещении. С лысой головой и суровыми карими глазами, он поистине устрашающий. Играть под его руководством совсем не то, что с Баннером, но я принял перемены.

– Сегодня важная игра, вы все это знаете. Нам надо показать этим ребятам, что в этом сезоне мы выступаем активно. Ясно? Может, мы и лишились своего капитана, но это не значит, что мы в меньшинстве. У нас лучший нападающий в лиге.

Я широко улыбаюсь команде, когда тренер обращает внимание на меня.

– Лоури и Бейтман, берегите Хаттона. Они будут охотиться за ним весь вечер. Сосредоточьтесь и играйте чисто. Не ведитесь на их дерьмо. Побеждайте по количеству забитых шайб, а не на штрафной скамье. А теперь идите и надерите «волкам» задницы.

Команда разражается восторженным ревом. Среди толпы я вижу Мэтта, серьезного как всегда, и иду к нему.

– Ты в порядке? – спрашивает он, ударяя меня в плечо рукой в перчатке.

– Как всегда. А ты? Нам нужно, чтобы ты сегодня показал класс.

– Не переживай за меня.

Он идет следом за мной к выходу.

Крики, музыка, адреналин.

Нет ничего похожего на это чувство – когда ты выходишь на лед в день игры и слышишь, как твое имя и номер называют на весь стадион. Это один из тех невероятных моментов, когда хочется улучшить минутку, чтобы просто постоять и впитать атмосферу. Но нельзя. На это никогда не хватает времени.

Как только мои коньки касаются льда, я сосредотачиваюсь на игре, возводя стену между будущей победой и любым отвлекающим фактором, который может отнять ее у нас. Но завершая последний разминочный круг, я чувствую, как эта стена крошится достаточно, чтобы пустить по моим венам толику паники.

Мой взгляд притягивается к ней, к Аве, которая вместе с Морган сидит на первом ряду. Ее губы растянуты в широкой улыбке, а глаза сосредоточены на мне, словно лазер. Это меня расслабляет, и я едва не спотыкаюсь – такого не случилось с тех пор, как я был ребенком.

Но какими бы сбивающими с толку ни были эти чувства, должен признать, есть что-то затягивающее в том, что с трибун мне улыбается красивая девушка в свитере моей команды. Чей это номер на ней? Нет. Неважно.

Подмигивая, я бьюсь плечом в стекло, проезжая мимо ее места. Эта чертова улыбка отпечатывается в моем мозгу, когда я еду к средней линии.

Заняв позицию для первого вбрасывания, я смотрю на двух крайних нападающих рядом со мной, Ноксвилла и Уайта, и киваю обоим. Мое сердце колотится, когда судья бросает шайбу на лед и я, забрав ее, рвусь вперед.

* * *

До конца игры остается тринадцать минут, а счет застрял на три – три.

Наша команда устала сидеть в защите большую часть игры – спасибо нашим вспыхившим защитникам, которые не могут пропустить мимо ушей ни одной подначки от команды противника, не потеряв самообладания.

Также не помогает, что я трачу большую часть оставшихся сил на маневры вокруг их убойных защитников, делая бесполезные броски по воротам при любом удобном случае.

Мой шлем ударяется о борт, когда защитник бьет меня в плечо. Я шиплю от боли и стараюсь удержать равновесие, игнорируя боль в плече. Я поворачиваюсь и посылаю убийственный взгляд своему отсутствующему прикрытию.

– Твою мать, Брейден, – рычу я себе под нос.

Я вижу, как передо мной Мэтт останавливает шайбу за воротами и готовится отдать ее. Я бью клюшкой по льду, сигналивая, что открыт, и делаю круг по нашей зоне, прежде чем покатиться в противоположный конец площадки.

Мэтт делает передачу мне, прежде чем до него добирается центральный нападающий другой команды. Как только я слышу, что шайба ударила о крюк моей клюшки, я ускоряюсь. Мне удастся проехать всего несколько футов вперед, прежде чем еще один игрок «Вулфс» направляется прямым ко мне.

К счастью, на этот раз Брейден выполняет свою работу и прикрывает меня, жестко врежаясь в игрока.

Я проезжаю мимо пары и нарываюсь на второго защитника. Резко развернувшись, я объезжаю сцепившуюся парочку и, быстро оглядываясь назад, вижу, что Брейден упустил своего подопечного.

Сейчас или никогда. Я размахиваюсь и сильно бью по шайбе, успешно отправляя ее между ног вратаря. Загорается красный свет, и товарищи по команде немедленно набрасываются на меня с объятиями и дружескими шлепками.

После нескольких похлопываний по спине я подтягиваюсь через борт и сажусь на скамейку рядом с Адамом. Вижу, как Ава с Морган вскакивают с мест и громко кричат, и улыбаюсь про себя.

После этого игра быстро заканчивается, больше голов не забивают. Мы выигрываем с перевесом в одно очко, но по мне это достаточно хорошо.

– Хорошая игра, – говорит мне Мэтт в раздевалке.

– Спасибо. Правда, это ты нас удержал, – отвечаю я.

Он широко улыбается мне и, стянув свой свитер, бросает его в сумку. Брейден проталкивается мимо него и обнимает меня одной рукой. Я морщусь нос, когда меня обдает его запахом.

– Отвали от меня. Ты пахнешь как ослиная задница, – говорю я, отталкивая его.

Парень даже не сдвигается с места. Он насупливается и вызывающе обнюхивает меня.

– Как будто ты пахнешь лучше.

Тайлер падает на скамью перед нами и ржет.

– Но он не лапает людей.

– Ревнуешь? – ухмыляется Брейден и убирает руку с моих плеч, только чтобы медленно двинуться к Тайлеру. – Иди сюда. Обнимемся.

Тайлер прищуривает глаза.

– Только тронь меня, и я сломаю тебе руки.

– Суровая любовь. Какая жалость, – вздыхает Брейден.

– Иди в душ, Брейден. Уверен, тебя заждались фанатки, – смеется Мэтт.

– Ты так говоришь, как будто они проблема, – отвечает он, быстро избавляясь от экипировки и нижнего белья.

Если бы не наши просьбы не разгуливать по раздевалке с голой задницей, я уверен, что к этому времени он уже светил бы своими причиндалами перед всеми.

– Не проблема. Просто раздражают, – ворчу я, запихивая защиту в шкафчик и вешая свитер на крючок.

– Я понимаю, когда Мэтт брюзжит насчет хоккейных заек, но в чем твоя-то проблема? Ты девственник или что? – спрашивает меня Брейден, подняв брови.

– Именно потому, что ты только что сказал «хоккейная зайка», я не собираюсь обсуждать с тобой эту тему.

Он хмурится:

– Ой, да ладно тебе. Даже Тайлер трахается.

– И что это значит? – ворчит Тайлер.

– Ты самый большой интроверт, которого я знаю. Я не удивился бы тому, что ты девственник.

Тайлер качает головой, берет стопку одежды и гель для душа и скрывается в душевой.

Брейден пожимает плечами:

– Что я такого сказал?

Мэтт лишь смеется, и Брейден воспринимает это как сигнал заткнуться и оставить тему. По крайней мере, он чувствует, когда пора прекращать прикалываться. Он большой парень, но я не сомневаюсь, что уложил бы его.

Мы быстро принимаем душ и одеваемся. После этого я прощаюсь с командой и выхожу из раздевалки, надеясь убраться с катка как можно быстрее. Я не только вымотан, но и плечо люто болит.

К сожалению, мне не удастся далеко уйти, как меня останавливает высокая длинноногая блондинка, которую я несколько раз видел возле катка.

– Привет, Оукли! Ты сегодня потрясающе играл. Идешь на вечеринку? – радостно спрашивает она.

Я останавливаюсь в нескольких шагах от нее и выдавливаю улыбку:

– Привет. Да, собирался.

– Здорово! Оставь для меня танец.

– Боюсь, танцор из меня не очень... – Я замолкаю, понимая, что не знаю имени девушки.

Она выпячивает нижнюю губу:

– Кэсси. Меня зовут Кэсси. Ты не знаешь, кто я?

– А должен?

Надеюсь, вид у меня более извиняющийся, чем слова. Я никак не мог разговаривать с этой девушкой раньше.

Она выглядит потрясенной, и я уже готов извиниться за то, что не знаю ее, когда мою талию обвивает маленькая рука.

Я вдыхаю знакомый аромат духов Авы, и напряжение в плечах испаряется.

– Привет, детка. Готов ехать? Все ждут, – мурлычет Ава, глядя на меня снизу вверх озорными зелеными глазами.

Она проводит пальчиками вверх и вниз по моей груди, и мой мозг вырубается. Что происходит? Детка?

Я лихорадочно пытаюсь собраться с мыслями.

– Да, готов. Приятно было познакомиться, Кэсси.

Схватив Аву за руку, я тяну ее прочь.

– Спасибо, – говорю я, когда мы выходим на улицу.

Вечер теплый, и я рад, что захватил смену одежды, чтобы не пришлось надевать обратно свой тяжелый костюм.

– Это было немного неловко.

– Просто возвращаю должок за то, что ты сказал на днях Дэвиду. Подумала, что ты сегодня будешь нарасхват. Звезда вечера и все такое.

Она пихает меня рукой и смеется, обдуваемая легким ветерком.

– В любом случае я благодарен.

– Ава, быстрее. Поехали! – кричит Морган с парковки, наполовину высунувшись в окно своего «Джипа».

– Мне пора. Увидимся через пару часов, Бойскаут. Если ты нас не бросишь, – дразнит она, разворачиваясь на пятках и сбегая вниз по бетонной лестнице к Морган.

Я улыбаюсь, шаркнув ногой. Не думаю, что когда-либо смогу ее бросить.

Глава 11

Ава

Когда мы подъезжаем к дому Адама, празднование победы уже в самом разгаре.

Музыка играет так громко, что я ощущаю пульсацию басов ступнями, когда мы вылезаем из такси. Я смотрю на извилистую подъездную дорожку и мечтательно вздыхаю. Вид особняка родителей Адама всегда меня поражает.

Над вычурной мощеной дорожкой нависают высокие, мощные арки, а по стенам из темно-серого кирпича тянутся окна от пола до потолка. Под каждым окном размещаются затейливо украшенные ящики для цветов, которым позавидовал бы любой флорист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.